

Елена Бауэр

Три солнца
Сага о Елисеевых

Книга II. Дети.

История России
в истории одной
семьи

RED. Выбор редакции

Елена Бауэр

**Три солнца. Сага о
Елисеевых. Книга II. Дети**

«ЭКСМО»

2022

Бауэр Е.

Три солнца. Сага о Елисеевых. Книга II. Дети / Е. Бауэр —
«Эксмо», 2022 — (RED. Выбор редакции)

ISBN 978-5-04-179504-7

Яркие судьбы повзрослевших детей Григория Елисеева находят свое воплощение в долгожданном продолжении многоплановой саги о легендарном семействе. Как примут молодые потомки то, что уготовано им злым роком? Сможет ли отец примириться с детьми, и что скрывает в себе образ «Трех солнц»? Героям «посчастливилось» жить в эпоху страшных перемен, когда рушатся устои мироздания, гибнет империя, а брат убивает брата. Любовь и предательство, дружба и ненависть, гнев и прощение на фоне революций, войн, репрессий. У каждого сына своя захватывающая история, трогательная романтическая линия, а еще – непростые взаимоотношения с братьями, отцом, Родиной и самими собой. Комментарий Редакции: Елена Бауэр снова щедро радуется своих читателей, и на этот раз – долгожданным продолжением полюбившейся многим «Саги о Елисеевых». На ее страницах – еще больше погружения в неоднозначную эпоху, еще более тонкие герои и еще более четко очерченные события давно минувших лет. Распри, разлады, любовь, семья – лишь малая часть категорий, сквозь которые можно рассматривать выдающиеся грани нового романа.

ISBN 978-5-04-179504-7

© Бауэр Е., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава I	6
Глава II	28
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Елена Бауэр
Три солнца. Сага о
Елисеевых. Книга II. Дети

Художественное оформление: Редакция Eksmo Digital (RED)

В оформлении обложки использована иллюстрация:

© Alex_Bond / iStock / Getty Images Plus / GettyImages.ru

Глава I

I

Кажется, никогда еще унылый ноябрь в Петрограде не был столь полон мрачных предчувствий, как осенью 1914. Нагие деревья, с которых ветер бесстыдно сорвал остатки роскошных золотых нарядов, не успели укутаться в пушистые белые шубы и стыдливо сникли в своих печальных думах. Низкое небо цвета самой безысходности тяжело свисало над серым городом. Еще немного, и оно могло бы упасть на промозглую землю всей своей массой тоски и обреченности.

Как же быстро все меняется в России. Вот еще полтора месяца назад петроградцы были полны оптимизма и верили в скорую победу, а теперь, подпитываемые отсутствием новостей о военных операциях, предались фатальному унынию. Везде только и говорили об огромных потерях, хотя еще не было опубликовано никаких официальных данных. Если в начале войны, позабыв распри, все слои населения объединились в желании сражаться и победить врага, всего несколько месяцев спустя тут и там стали слышны голоса о ненужности войны, которая принесет только горе и смерть.

В такой город, полный тревог и дурных предзнаменований, вернулся Григорий Григорьевич после венчания с Верой Федоровной. Настроение его было еще менее радужным, чем царящая в столице атмосфера. Мало того, что из-за самоубийства бывшей супруги Елисеев был лишен чувства умиротворения, которого он был вправе ожидать от выстраданного признания отношений с любимой женщиной законными, но что больше тревожило и раздражало его, это что Марии Андреевне все же удалось напоследок поселить в нем чувство вины, как он этому не противился.

Разве виновен он был в том, что разлюбил Машу? Ведь это произошло неумышленно, само собой, и, как он себе мыслил, не без вины бывшей супруги. Не мог он более терпеть ее сумасбродства и непослушания. Как смела она настроить сыновей против него? Как могла оставить семейное дело без преемника? Это все была ее заслуга! И то, как безобразно теперь вели себя дети, делая оскорбительные заявления об отказе от отца и дворянства, это все тоже благодаря покойнице. Даже умерла она исключительно назло ему, своему мужу! А что он? Разве не имел он права снова стать счастливым? Разве не заслужил он спокойствия и уюта за весь свой каторжный труд на благо семьи? Неужели ему, измученному непониманием и неуважением самых близких людей, отказано в капле сочувствия?

Ежедневно он вел этот внутренний диалог, пытаясь убедить себя в невиновности в смерти Маши. Каждое утро в те доли секунды, пока еще сознание вырывалось из объятий Морфея, брезжила надежда, что все это просто страшный сон – сейчас он проснется, и несносная Мария Андреевна все еще будет жива, и в конце концов смирится с его женитьбой на Вере Федоровне, а натянутые отношения с сыновьями еще не будут разорваны окончательно. Но пробуждение встречало его осознанием трагичной реальности и меланхоличным пейзажем за окном.

Вера Федоровна, понимая терзания мужа, как могла, старалась облегчить его состояние. Проснувшись раньше, приносила ему в постель чашку только что сваренного кофе. Ее улыбка, нежная забота и восхитительно-бодрящий аромат кофе помогали Грише не сорваться в безнадежную депрессию, которая у мужчин бывает опасна особым осложнением – затяжным запоем.

Была еще одна причина для беспокойства. Со дня смерти матери Мариэтта рыдала в своей комнате, не желая выходить. Вере Федоровне с трудом удавалось уговорить ее немного

поест, но Григорий Григорьевич, памятуя о наследственности дочери, был встревожен не на шутку.

– Не надо было продавать особняк в Париже. Хорошее было местечко Нейи-сюр-Сен. Я распорядился купить новый дом там же или в предместье, – задумчиво глядя на лысые, словно после тифа, деревья под окном сообщил он за завтраком. – Как только закончится война, поедем туда. Нам всем необходимо развезаться.

– Гриша, посмотри, как прекрасно выглядит Государыня, – Вера Федоровна будто не слышала супруга. Она показала ему газету с фотографией императрицы, облаченной в форму медсестры. – Давно у нее не было такого здорового вида.

– Похоже, ощущение собственной нужности идет ей на пользу. Благие дела – самое настоящее лекарство от всякой хвори и яда придворного лицемерия, которого сейчас предостаточно в Царском Селе, – подхватил Григорий.

– А что если я Мариэтту возьму с собой в больницу? Возможно, это ее немного отвлечет. Если только ты не возражаешь.

Гриша взял руку жены и прижал к своим губам. Он в очередной раз мысленно восхитился нежностью кожи супруги, сквозь белизну которой видны были голубые ниточки вен. Но более всего его пленяло то, что обладательница таких тонких запястий и изящных длинных пальцев была еще и мудрой женщиной.

– Госпожа Елисеева, говорил ли Вам кто-то, что Вы – гений? – впервые за долгое время Григорий заулыбался. – Это замечательная мысль! Однако все же проследи, чтобы она там не слишком увлеклась всей этой медициной. Не хватало нам еще одного Гиппократы в семье.

– Про Гулю ничего не слышно?

– Нет. Никаких новостей. Дурных в том числе, что уже неплохо в наше время.

II

Про Гулю ничего не знали и братья. Его жена, Верочка, которая все еще жила с дочерью в доме на Песочной набережной с семьей Сергея и другими братьями, страшно переживала из-за отсутствия вестей. Петя, служивший при штабе и вырвавшийся в Петроград с поручением, пообещал выяснить, где точно расположен госпиталь Гули и даже, если получится, съездить повидать его. Отсутствие писем он объяснял постоянным перемещением армейских частей.

Даже за всей суетой устройства быта после похорон матери и нагрузкой на работе, Сергей не оставил идею забрать Мариэтту из отцовского дома. Чтобы воплотить задуманное, он отправился к своей тетке по материнской линии, Анне Андреевне Шмеман. Хоть матушка после замужества с Григорием Григорьевичем более всего общалась со старшим братом, поскольку у них с Елисеевым было общее пивоваренное предприятие, Серж был уверен, что найдет понимание у Дурдинской родни, которая была в шоке от поведения Григория и самоубийства Маши.

Анна Андреевна была рада неожиданному визиту племянника. Она отметила про себя, насколько повзрослел и исхудал Сергей. Неожиданно со впалыми щеками, выпирающим римским носом – наследием матери, в пенсне, над которым разлетались густые черные брови, он стал типажом напоминать Якова Свердлова. Ничего общего с отцом, словно даже внешне он пытался сторониться родителя.

После очередных слов соболезнования и расспросов о братьях, жене, непутевом отце и его новой супруге тетюшка готова была выслушать, с чем к ней явился Сергей.

– Я ведь пришел просить об услуге, Анна Андреевна!

– Все что угодно! Мы же родственники, ты всегда можешь вот так запросто обращаться!

– Буду откровенен с вами – меня тревожит, что моя младшая сестра живет с этим старым распутником. Я не могу быть уверен, что в том доме она получит должное воспитание.

– Ты прав! Поведение отца может оставить пятно и на ее репутации. А у девочки еще вся жизнь впереди, ей замуж выходить...

– Именно! Поэтому я планирую ее оттуда забрать!

– Да, но как? Он же ее отец и опекун по закону.

– Я узнавал. Можно оформить еще одно опекунство, со стороны семьи Дурдиных. Я бы сделал его на себя, но меня могут посчитать недостаточно подходящей кандидатурой. Вы, не переживайте, Мариэтта будет жить с нами. Я устроился еще переводчиком в Министерство иностранных дел, она ни в чем не будет нуждаться.

– Право, Серж, меня совершенно это не беспокоит. Уж не обеднеем из-за одной девочки. Но на кого же ты хочешь оформить опекунство?

– На Вашего супруга...

– Ах, на Николая Эдуардовича... – тетушка явно не ожидала такого поворота. Это означало пойти на открытый конфликт с Григорием, чье могущество она не могла скинуть со счетов. Согласие на предложенную племянником авантюру могло иметь самые серьезные последствия. Однако Анна Андреевна считала это дело правым и готова была ввязаться в драку. Под стать своей покойной сестре она была не из робкого десятка.

– Да, он – уважаемый человек, член Государственного совета, и у него так просто Мариэтту не отобрать... – попытался объяснить свое предложение Сергей.

– А что же Александр Григорьевич?

– Я к нему не обращался. Мне кажется, дяде с лихвой хватило тяжбы по поводу денег на обучение. Боюсь, второй суд добьет старика. Кроме того, тут нужен кто-то со стороны матери. Это гарантирует симпатии присяжных, если до этого дойдет дело.

– Пожалуй. Как ты понимаешь, я не могу тебе дать ответ за Николая Эдуардовича. Он должен решить сам. Но я с ним это непременно обсужу. А Мариэтточка что думает?

– Она просто мечтает об этом, – слукавил Сергей. Это не было наглой ложью, потому что он искренне верил, что сестра будет в восторге от его плана, просто он еще не успел сообщить ей о нем.

С этим были некоторые сложности. Девочка всегда была под присмотром бонны и из дома выходила в сопровождении дюжих слуг. Встретиться с ней наедине было решительно невозможно.

III

Вечером за обедом братья обсуждали план похищения Мариэтты. Это была излюбленная тема в последнее время, которая их объединяла и добавляла перчинки в серые будни. Никогда ранее вызов отцу не претворялся в реальные действия. Молодые люди ощущали себя героями захватывающего приключенческого романа.

В тот промозглый вечер на фоне двух активных братьев, Николай казался несколько рассеянным. Предложений не вносил, отвечал невпопад. У него из головы не шла девушка, с которой он недавно познакомился на одной из открытых лекций, где он делал доклад по работе Карла Маркса. Автор «Капитала» пользовался завидной популярностью в те годы, на что и был расчет. Это был верный способ снискать популярность. У студента тут же появились поклонницы, словно он не будущий юрист, а миниатюрная версия Шаляпина или Чехова. Хотя, справедливости ради, некоторые успешные юристы в то время собирали целые залы на громких судебных слушаниях и были знамениты не менее артистов. Юные Колины фанатки были в большинстве своем экзальтированные институтки, кроме той единственной, необыкновенной девушки – Кати Абрагам. Если уж совсем откровенно, то Николая гораздо больше занимал вопрос, как набраться смелости и пригласить ее в синаматеку, чем как выкрасть сестру у отца.

Пока молодые люди фонтанировали безумными идеями, Манефа укладывала Тасю спать, а обе Веры, кутаясь в шали, тихонько обсуждали бытовые вопросы. Это была не их битва. Хотя жена Сергея и любила Мариэтту, которую в свое время учила французскому языку, она не считала себя вправе решать, с кем девочке жить. Однако Серж имел на этот счет другое мнение.

– Я знаю, как нам установить связь с Мариэттой! – воскликнул он. – Вера, ты же была вхожа в дом! Ты запросто можешь прийти навестить свою бывшую ученицу!

– Ты думаешь, Григорий Григорьевич ничего о нас не знает?

– Это непринципиально. Главное, дал ли он распоряжение тебя не пускать...

– И как ты планируешь это выяснить?

– Боюсь, никакого другого пути кроме эмпирического, нет. Тебе придется пойти туда и попробовать встретиться с ней.

Вере, которая ждала ребенка, совершенно не понравилась эта затея. Она очень живо представила себе, как ее прилюдно вышвыривают из дома Елисеевых.

– Да к чему все эти сложности? – Шура был еще слишком молод, чтобы быть большим поклонником дипломатии. – Я думаю, нужно просто забрать ее, когда она выйдет из дома. Я организую мотор и группу крепких студентов на случай, если ее «надсмотрщики» окажут сопротивление!

– Ты хочешь, чтобы нас обвинили в похищении? Коля, ну скажи хоть ты ему! А про сестру ты подумал? Ты представляешь, как она перепугается, если мы ее не предупредим? Нет, нужно дождаться, чтобы отца и его дамочки не было в городе. Слуги не посмеют вести себя с Верой дерзко без его приказа, – Сергей уже все решил.

Вера подумала про себя, что в ту минуту он был невероятно похож на свекра, сам того не осознавая. Она встретила глазами с женой Гули и поняла, что та прочла ее мысли. Той тоже порой казалось, что Григорий Григорьевич младший в каких-то моментах – копия своего отца. Не забавно ли, что у Елисеева и двух его старших сыновей, считавших себя полной его противоположностью, любимых женщин звали Верами? Словно не существовало в мире иных имен.

Николай тоже об этом подумал и с большим удовлетворением отметил про себя, что не пошел по стопам отца и братьев: имя девушки, которая нравится ему, – Екатерина.

* * *

Не прошло и месяца, как Григорий Григорьевич отправился в Москву по делам своего магазина. Вера Федоровна его сопровождала. Зрелые молодожены старались не разлучаться надолго, как будто боясь упустить хоть одно мгновение из той совместной жизни, что им была отпущена.

Выбрав подходящий момент, Вера Эйхе появилась на пороге дома Елисеевых. Ее беспрепятственно пустили к Мариэтте, которая едва увидев свою бывшую учительницу французского, бросилась ей на грудь.

– Почему ты так долго не приходила? – разрыдалась девочка.

Мариэтта проводила гостью в свою комнату показать ее новую отделку – настоящий будуар маленькой принцессы. Григорий Григорьевич делал все в меру сил и возможностей своей фантазии, чтобы отвлечь четырнадцатилетнюю дочь от грустных мыслей. Стены и мебель были обтянуты натуральным шелком цвета пыльной розы. Над кроватью с резным изголовьем спускался очаровательный балдахин из этой же ткани. На кушетке с изящными изогнутыми ножками сидела необыкновенной красоты фарфоровая кукла, которая была невероятно похожа на хозяйку. Вера почему-то подумала, что Тася была бы в восторге, если б ее увидела. А уж если б ей дали с ней поиграть, не было бы счастливее ребенка в этом мире.

Целый час старшая подруга слушала о горестях бывшей ученицы, не имея возможности вставить ни слова. Затем был новый град слез, когда Мариэтта узнала, что пропустила свадьбу Сергея и Веры. Лишь тот факт, что бракосочетание состоялось через три недели после смерти мамы и прошло без торжеств, заставил ее забыть обиду. Новость о том, что она скоро опять станет тетей и вовсе настроила ее на мажорный лад. Тасю она почти не видела, но сам факт, что она стала тетей в девять лет, льстил ей. Ей хотелось считать себя взрослой, и наличие племянников давало ей это ощущение.

– Ты могла бы помогать мне с малышом, – Вера решила, что это удачный переход к делу, по которому она пришла.

– Да, с удовольствием! А разве у тебя не будет няни?

– Как же, будет – Манефа. Ты ее не помнишь? Она даже тебя нянчила немного.

– Помню, – не очень уверенно подтвердила Мариэтта. Последний раз она видела старушку несколько лет назад и ее черты почти стерлись из детской памяти.

– Но я думаю, маме все равно нужно быть как можно ближе к малышу... – Вера осеклась, осознав, что может сделать больно девочке, у которой совсем недавно не стало матери. Она попыталась сформулировать предложение, ради которого пришла, но получилось довольно коряво. – Семье всегда лучше держаться вместе. Знаешь, мы были бы очень рады, если б ты жила с нами.

– С тобой и с Сережей?

– И с Верочкой, и с Тасей, и с Колей, и с Шурой... Только Гуля с Петей пока на фронте.

– А папа?

– У него есть Вера Федоровна.

– Не знаю... – Мариэтта засомневалась. – Как же я его оставляю? Это жутко его ранит.

Чем больше девочка думала об этом, тем больше она сомневалась.

– Нет, я так не могу... Он ведь безумно страдает, хоть делает вид, что это не так.

Вера не хотела слишком давить на нее. Они договорились, что Мариэтта спокойно все обдумает и не расскажет о визите Сережиной жены отцу. Иначе старшую подругу больше к ней не пустят.

Когда супруга передала суть разговора Сергею, тот был обескуражен. Такой реакции от сестры он никак не ожидал. Но шок продолжался недолго. Молодой человек очень скоро объяснил себе поведение Мариэтты влиянием отца и еще больше утвердился во мнении, что сестру непременно нужно забирать.

IV

Вскоре из штаба Западного фронта снова приехал Петя. Он привез письма от Гули. Доложил, что тот жив и здоров, хоть и заметно вымотан. Верочка прослезилась от счастья и ушла читать послание к себе в комнату. Братьям предназначалось общее письмо. Гуля очень мало писал о себе, больше спрашивал о том, как они живут. Просил заботиться о супруге с дочкой.

Несколько дней Вера не выпускала письмо мужа из рук. Время от времени она подносила его к губам, как будто хотела вдохнуть запах или поцеловать то, к чему еще недавно прикасался Гуля.

– Петя, как тебе служится? Страшно там? – спросил за обедом брата Шура.

– Да делать пока особо нечего... Какие-то обязанности есть, конечно, но большей частью балбесничаем. Вечерами играем в карты, пьем шампанское. Возможно, все изменится, зависит от ситуации на фронте...

– Лодыри, как есть лодыри! Не секли вас в отрочестве, от усердия да стыда-то теперича и не хватат, – завела свою скрипучую пластинку Манефа.

– Я надеюсь, ты знаешь меру, – строго заметил Сергей. Ему тоже не нравилось, что Петя, в отличие от старшего брата, который ежедневно спасал раненых, стал при штабе превращаться во франта и мота, – Куда только смотрят ваши командиры?

– О, они кутят похлеще нашего! Видел бы ты размах великого князя Бориса Владимировича в Варшаве! – весело поделился Петя. Немного снизив громкость, он поведал. – Говорят, главнокомандующий его на дух не переносит.

– Да все они там друг друга ненавидят. Пожирают друг друга, как слизни на одном капустном листе, – Серж не питал симпатий к членам императорской семьи.

Обе Веры поморщились.

– От нечестивцы! – фоном ворчала нянька. Нужно отметить, осуждение старушки не знало классовых границ и равномерно распределялось по всем сословиям.

– Солдаты погибают, а они куражатся на их костях! Если б у них была хоть капля совести, они бы прекратили эту войну немедленно! – возмутился Саша.

– Шура, ты бы был поосторожнее со своими высказываниями! Чего доброго, сочтут тебя большевиком... или того лучше – шпионом, – в отсутствие Гули, Сергей чувствовал себя старшим в семье и ответственным за всех братьев.

* * *

На следующий день с поручением командования Петя отправился в Москву. Освободившись вечером, он пошел пообедать в ресторан, гремевший своими страстными цыганскими исполнителями. Какова же была его радость, когда совершенно неожиданно он встретил там Митю. Красавец имел потрепанный и нетрезвый вид, но молодого родственника узнал и с восторгом бросился ему навстречу. Он расспросил юношу о всех братьях и перешел к рассказу о себе.

– О, у меня все прекрасно! Исключительно! Ко мне тут поступило одно совершенно секретное предложение... Обещай, что это только между нами! Один человек, не могу назвать его имени, занимается разработкой аппаратов для метания горючей жидкости на дальние расстояния. Инвестиции окупятся с лихвой, как только будет получен заказ для армии. А дело, практически, решенное... в этом изобретении заинтересованы очень, очень высокие люди...

– Просто Троя какая-то, – захохотал Петя, – будем немцев горячей смолой поливать?

– Напрасно ты так, Петр! Некоторым членам императорской семьи эта идея не кажется такой смешной... – обиделся Митя.

– Позволь мне угадать – великому князю Сергею Михайловичу и его даме сердца? Как выяснилось, мадам Кшесинская не только в фуэте разбирается, – веселился юноша, не замечая, как сильно задевает родственника.

– Ошибаешься, друг мой, они здесь ни при чем. Впрочем, забудем об этом... С отцом давно не виделся?

– Давно. Мы не общаемся после... после мамы...

Митя намеренно сменил тему. Ему вспомнился давний разговор с Григорием Григорьевичем, когда Митя делился с ним мыслями завозить из Америки жевательную резину. Тогда Гриша так же смеялся. Яблоко от яблони... Возможно, в тот раз опытный купец и оказался прав, но теперь Митя верил, что все получится. Ему не хотелось, чтоб над его деловыми планами глумились снова.

Через пару часов Петя засобиравшись в гостиницу. Не успел он отойти от ресторана, как Митя догнал его, на ходу застегивая пальто. Он уговорил молодого человека сыграть пару партиек в карты. Заядлый игрок прекрасно знал все значные заведения Москвы.

В тот вечер Пете везло. Он вышел из-за стола с небольшим выигрышем. А вот Митя проигрался в пух и прах. Петру пришлось отвезти неудачливого картежника в гостиницу и

оставить немного денег, чтобы тот смог на следующий день уехать домой. Молодой офицер боялся даже представить, какую выволочку родственнику устроит Глафира.

Когда он выходил из номера, пьяный Митя, который, казалось уже заснул, вдруг выдал: – Ты не осуждай отца. Он этого не хотел... Когда-нибудь ты поймешь... – и захрапел.

V

Митя приехал домой в дурном расположении духа. Голова трещала. Каждый звук отдавался острой болью в мозгу, как будто кто-то сидел внутри черепной коробки и стучал палочками по серому веществу, как по ксилофону. Невыносимо звонкое стаккато в голове! Ему даже не хотелось думать о вчерашнем проигрыше. Почему он не мог остановиться? Зачем он вообще потащился играть? Лучше б сидел в Яре и слушал цыган.

Глаша за все годы совместной жизни так и не научилась выражать эмоции. Все, на что она была способна, это с молчаливым укором подать супругу обед. Митю это бесило. Лучше бы она устроила истерику, высказала все ему, но нет, от нее невозможно ничего дожидаться, кроме холода. Это не женщина, а надменная ледяная глыба! В глаза не смотрела, значит обижена. Митя решил тоже молчать. Да и что тут скажешь? Хвастаться нечем. На самом деле дела обстояли далеко не так радужно, как он рассказывал Петру. Он спускал на игры и женщин безумные деньги. В бизнесе дела шли ни шатко, ни валко. Еще пара таких неудачных месяцев и ему пришлось бы признать себя банкротом. Необходимо было срочно что-то придумывать. Поэтому ему, как воздух, нужно было участие в заказе для армии метательных аппаратов, даже, несмотря на немного подозрительную личность изобретателя. Но Митя успокаивал себя, что все ученые выглядят странными. Это нормально и не должно вызывать опасения. Человек, у которого связи в высочайших кругах, не может оказаться нечистым на руку.

Супруга сидела рядом. Перед ней стояла тарелка консоме, но она не ела, лишь беззвучно, ибо манерам она уже научилась, возила по дну ложкой. Митя залюбовался ее длинными пушистыми ресницами, которые прикрывали опущенные глаза. Красота Глафиры имела необъяснимую, мистическую власть над ним. Забыв о больной голове и раздражении, он положил свою ладонь на ее руку. Если бы только она взглянула на него, Митя сразу успокоился бы и, вероятно, даже не пил бы несколько месяцев. Но жена свою руку убрала, так и не удостоив его взгляда. Мужчина снова завелся. Он со звоном швырнул ложку в тарелку, забрызгав и платье, и лицо супруги бульоном, и ушел в свою комнату. Аппетит у него пропал совершенно. Глаша вытерла лицо салфеткой, встала и удалилась к себе. На ее лице не дрогнул ни один мускул. Одному Богу было известно, что творилось в ее душе.

Пока у одних бизнес и семья трещали по швам, у других, напротив, роман стремительно развивался. Николай решил и пригласил Катю в кинотеатр, потом гулять в парке, затем на оригинальную лекцию о современной поэзии. Девушка с удовольствием принимала ухаживания. Коля был воодушевлен. Очевидно, что он ей тоже был небезразличен. Они стали неразлучны. Казалось, что встречаются они не три недели, а три года.

Студент старался реже бывать дома. Возня вокруг так называемого «похищения» сестры отвлекала его от мыслей о Кате, и сама затея теперь казалась ему неважной и ненужной. Он как-то попытался поделиться своими чувствами с Сергеем, намекнул даже, что у него серьезные намерения, но брат от него лишь отмахнулся.

– Зачем так торопиться? Вы же только познакомились. Ты еще учишься, тем более, сейчас нам нужно сосредоточиться на решении вопроса с Мариэттой.

Опять Мариэтта. Коля промолчал, но решил, что поступит так, как посчитает нужным, а родственников поставит в известность, когда уже все будет сделано.

VI

С началом войны и увеличением количества раненых многие обеспеченные россияне и члены императорской семьи стали переоборудовать свои столичные дворцы и загородные резиденции под госпитали и лазареты. Нужны были не только койки и операционные, необходимы были руки, которые бы ухаживали за пострадавшими. Обычная домохозяйка не могла стать врачом, но она могла застилать постели и заботиться о чистоте палат и больных. Государыня Александра Федоровна с дочерьми задавали тон, не гнушаясь грязной работы в госпиталях.

Елисеев исполнял обязанности попечителя Биржевой барачной больницы, которую тоже подготовили для приема раненых. Вера Федоровна помогала ему. Как и договорились с Григорием Григорьевичем, она стала периодически брать с собой Мариэтту. Естественно, девочку не заставляли убирать за больными. Она помогала им писать письма, читала прессу или книги. Белокурая барышня была настолько очаровательной, что при одном ее появлении суровые мужские сердца, заржавевшие на войне, таяли. У большинства из них остались дома дети, и Мариэтта напоминала о них. Несмотря на возраст, в ней не было присущей подросткам угловатости и резкости. Она стала настоящей любимицей и пациентов, и врачей.

Во время очередного такого визита Мариэтты в больницу приехал инспектор Придворно-медицинского ведомства, Николай Андреевич Андреев. Пока врачи, инспектор и Вера Федоровна, как представитель попечителя, совещались в кабинете, девочка читала «Затерянный мир» Артура Конан Дойла в одной из палат. Раненые, готовящиеся к выписке, слушали увлекательный приключенческий роман, затаив дыхание. Если кто-то неуклюже скрипел кроватью, на него тут же зыркали десятки сердитых глаз. Дверь в палату была приоткрыта. Вдруг в коридоре появился молодой человек в форме Пажеского корпуса, который искал инспектора Андреева.

– Будьте любезны, передайте это господину инспектору, – обратился он к проходящему мимо врачу, вручая ему записку.

Мариэтта оторвалась от книги и посмотрела на юношу. Он нетерпеливо поглядывал в конец коридора, крутил в руках перчатки, нервничал и не замечал девочку. Что-то было в этом кадете, что заставило Мариэтту залиться краской. Дерзкий взгляд, густая шевелюра, горделивая осанка – много ли нужно, чтобы разбить невинное девичье сердце? Девочка уткнулась в книгу, но от того, что сильно стучало сердце, буквы прыгали в глазах.

– Так что ж там дальше? – поинтересовался один из больных, посчитавший паузу слишком затянувшейся.

Мариэтта собралась и заставила буквы прекратить свою свистопляску и сложиться в слова. Еще не хватало, чтобы кто-то заметил, что она так реагирует на мужчину. Было бы крайне неловко.

– «В конце концов, желая доказать коллеге какой-то свой тезис, Челленджер высунул голову из-за камней и чуть не навлек гибель на всех нас. Ближайший к нам самец вдруг пронзительно зашипел, взмахнул перепончатыми двадцатифутовыми крыльями и поднялся в воздух». – Мариэтта продолжила чтение. Ее интонация немного выдавала волнение, но это органично сочеталось с опасным моментом в книге, будто девочка читала еще с большим с выражением, чем прежде.

Услышав девичий голос из палаты, молодой человек повернулся и, увидев Мариэтту, замер. Перед его глазами предстала совсем юная белокурая барышня с нежным румянцем на щеках. Золотой локон, равнодушный к требованиям гигиены, выбился из-под косынки. Губы ее были красиво очерчены, а профиль идеален, как у ангелов с полотен эпохи Ренессанса. Глебу казалось, что от нее исходит какое-то волшебное свечение. Не хватало только крыльев за спиной.

Мариэтта продолжала читать книгу, но она чувствовала, что молодой человек смотрит на нее. Она даже видела боковым зрением его развернувшуюся к ней фигуру. Это очень отвлекло.

Наконец, к Глебу вышел его отец, инспектор Андреев. Сын начал что-то взволнованно ему рассказывать, и они пошли прочь из больницы. Мариэтта встала и, сделав перерыв в чтении, подошла к окну. Она видела, как мужчины вышли из здания. Вдруг Глеб остановился, искал глазами по окнам и, заметив в окне Мариэтту, улыбнулся.

Девочка вздрогнула и спряталась, сделав вид, что уронила книгу.

Ночью, лежа в своей кровати под балдахин, Мариэтта ругала себя на чем свет стоит. Ей хотелось провалиться сквозь землю из-за того, что вела себя, как глупый, безмозглый ребенок. Теперь, если б этот красавец снова ей встретился, он бы даже не посмотрел на нее, или даже еще хуже, посмеялся бы над ней! Но как же узнать, кто он? И как его снова увидеть?

VII

Дочери Елисеева не пришлось искать симпатичного кадета, которого она видела в больнице. Он сам узнал, кто она. Выспросил у медсестер, пока был лазарете, что за девочка читает пациентам. В итоге, уже в конце недели Мариэтта увидел его в окне около дома.

Девочка не могла поверить своим глазам. Она только о нем и думала все эти дни. И вот он прогуливается под их окнами. Сердце снова бешено забилося, и кровь прилила к щекам. На Мариэтту накатывали сомнения. Разве мог такой взрослый, красивый молодой человек заинтересоваться ею? Быть может он лишь проходил мимо? Или к отцу прибыл с визитом инспектор Андреев, с которым он общался в прошлый раз?

Она бросилась к зеркалу, проверила, как выглядит. Щеки предательски горели, выдавая явную заинтересованность. Но как Мариэтта не пыталась дышать ровно, чтобы успокоиться, румянец не желал уходить. Быстрым движением она поправила волосы и подошла к окну. Ей хотелось, чтобы юноша заметил ее.

Молодой человек иногда скользил глазами по окнам, но девочку не видел. Мариэтта стала нервничать. Сколько он еще сможет так ходить, ведь холодно. Кадет притоптывал и похлопывал руками в перчатках, чтобы согреться. Вдруг он уйдет, даже не заметив ее? Тогда девочка взяла книгу и забралась на подоконник. Устроившись в красивой позе, опершись спиной на простенок, девочка изображала, что читает. Вид у нее был весьма романтический. Иногда она поднимала глаза и задумчиво смотрела вдаль.

Наконец, Глеб увидел ее. И снова замер, как в первый раз. Казалось, он забыл про декабрьский мороз, про прохожих, которые пытались обойти его, про все вокруг, даже про войну, на которую он рвался с самого ее начала. Мариэтта видела все боковым зрением. Она едва сдерживала улыбку. Но она не должна была выйти из образа, даже, несмотря на то, что изнутри ее распирало от счастья.

Вдруг послышались шаги. Новоявленная Джульетта поспешно спрыгнула с подоконника. К ней пришел учитель. Пока он раскладывал свои бумаги, ученица улучила момент и выглянула в окно. Ее пажа там уже не было. Девочка испугалась — что, если он больше не придет.

В ту ночь она снова плохо спала. Все вспоминала о том, что произошло. Ее переполняли неизведанные чувства. Неужели все это происходит с ней? Девочка вылезла из-под теплого, пухового одеяла, подошла к окну и села на подоконник. Она понимала, что ночью не увидит своего Ромео. Но ей хотелось еще раз пережить тот фейерверк эмоций, которые она испытала несколькими часами ранее.

Мариэтта просидела на подоконнике в обнимку с куклой почти до рассвета. Босые ноги замерзли, спина затекла, но бушующие в груди страсти затмевали физические неудобства.

На следующий день в то же время, даже немного заранее, она заняла пост с книгой у окна. Но Глеб не пришел. Девочка так была расстроена, что не могла нормально заниматься. Не было кадета и через день. Юная влюбленная с завидным упорством продолжала караулить на подоконнике. Каждый день. Настойчивости ей было не занимать.

Через несколько дней молодой человек появился снова. И все повторилось сначала.

Глеб стал приходить раз или два в неделю. Сначала Мариэтта делала вид, что не замечает его. Но потом она как бы случайно взглянула на него. Кадет улыбнулся ей, и она, засмущавшись, улыбнулась в ответ. В тот день он на прощание помахал ей рукой. У них начинало складываться общение, пусть и через стекло.

VIII

Война, куда так рвался Глеб, была лишена романтики. В отличие от штабных офицеров, те, кто был на линии фронта, видели ее уродливое лицо с огромной черной пастью, из которой смердело кровью и гнилью. Знали его и доктора, которые ежедневно принимали раненых и изувеченных, далеко не всех из которых удавалось спасти. Смерть, облезлой костлявой дворнягой, постоянно крутилась рядом.

Гуля проснулся рано. Резко потеплело. Стоял густой белый туман, как будто в воздух налили молока, словно в чай на английский манер. Врач вышел из лазарета на улицу и вздохнул полной грудью. Ему удалось поспать несколько часов. Новых поступлений раненых не было с вечера и остальным не требовалось экстренной помощи. Тяжелых уже отправили в тыл. Каждый вечер Гуля собирался написать домой, но обессиленный валился с ног. Получая Верочкины письма, он чувствовал себя негодяем потому, что не может отвечать ей так же часто. В тот день он решил, что непременно отдаст дань эпистолярному жанру. Если, конечно, не случится какого-нибудь боя на их направлении.

Гуле было почти тридцать лет. Он был высок и статен. Очки в роговой оправе и волосы на прямой пробор придавали ему важности. И по натуре Гуля был исключительно серьезен. Он никогда не был легкомысленным юношей, а со смертью матери в его глазах, невероятного цвета, навсегда застыл отпечаток трагической потери.

Вдруг вдалеке раздалась вопли. В тумане ничего не было видно. Звуки усиливались. Наконец из молока выплыли два солдата, которые тащили третьего – довольно молодого бойца, корчащегося от боли. Гуля вздохнул. Вот и закончился перерыв. Без всякого боя. Ничего удивительного в этом не было, люди на войне гибли не только от ран, но и от болезней, начиная с дизентерии, заканчивая сыпным тифом и чахоткой.

Солдаты затащили парня в лазарет и ушли.

Наконец Гуле удалось рассмотреть воющего пациента. Тощему парнишке было едва за двадцать. У него были рыжие кучерявые волосы и нос с горбинкой. На его худой руке заметно выпирала опухоль.

Гуля тщательно осмотрел образование и отправил медсестру за перевязочным материалом.

– Что же вы, молодой человек, дезертировать задумали? Это ведь парафин под кожей, насколько я могу судить. Сейчас мы опухоль вскроем, и все станет совсем уж очевидно.

Солдатик оторопел и даже прекратил стонать.

– Умоляю, батюшка, не губи! У меня мамка старая. Ежели убьют меня, так и ей верная смерть. Мне б домой...

– А отец?

– Он матушку бросил. Живет с молодухой.

Гуля так не кстати вспомнил своего отца.

– Жив значит... И не стыдно тебе совсем? Пусть другие за тебя погибают?

– Правду сказать, не стыдно... – парень потупил глаза, – страшно мне! Не военного я складу. Убьют меня, ежели останусь. Ей-ей, убьют. Не бери, батюшка, греха на душу!

– Ты мне еще про грехи будешь рассказывать? – возмутился наглости парнишки врач. – Ты б о своей душе лучше подумал. Друзей и отчизну предаешь.

Вообще, полагалось бы сказать царя и отечество, но Гуля не был приверженцем монархического строя, считая его устаревшим для нужд современного общества.

Солдатик снова начал всхлипывать и скулить. Решил, что его песенка спета. Однако Гуля врунишку не выдал. Удалил парафин, перевязал и отправил его в госпиталь в тыл. Жаль ему стало этого задохлика. И правда ведь сгинет. Брат Петя был приблизительно его возраста. У Гули защемило сердце. Он по-особенному относился именно к младшему брату, который слишком рано лишился родительской любви и внимания. Мать с отцом были полностью заняты своим распадающимся браком. Когда они стали жить раздельно, Мариэтта была окружена заботой отца. Возможно, даже излишне. Мария Андреевна не могла столько же дать Пете в силу подорванного душевного состояния, которое все ухудшалось. У Гули с Петей была заметная разница в возрасте, так что он испытывал некоторое подобие отцовских чувств к младшему брату.

В тот вечер он сел и написал всем письма, несмотря на жуткую усталость.

IX

Григорий Григорьевич возвращался домой после деловой встречи. Вышел из машины чуть раньше. Хотелось немного пройтись, размять ноги. Последние дни он редко вставал из-за стола. Война вносила свои коррективы и в мирную деятельность, нарушая привычный ход вещей, разрушая давно сложившиеся устои. Не было возможности не замечать ее даже в глубоким тылу.

Подходя к дому, Гриша обратил внимание на кадета Пажеского корпуса. Ему показалось, что он уже где-то видел этого юношу. Но мысли Гриши были настолько заняты новыми схемами поставок для магазинов, что он тут же забыл об этом. Если б только он поднял голову, то в окне мог бы заметить дернувшуюся занавеску – это его дочь спрыгнула с подоконника, едва завидев родителя.

На дороге были разбросаны какие-то листовки и прокламации. Одна из них прилипла к калоше Григория Григорьевича. Он попытался снять ее тростью и невольно разглядел, что на ней изображено – Распутин и Императрица в непристойной позе, весьма неделикатно намекая на близкие, неплатонические отношения.

– Какая мерзость! – возмутился Григорий.

У соседнего дома дворник мел улицу в несуетливой, философской задумчивости.

– Любезный, – крикнул ему Елисеев, – поди-ка сюда!

Человек с метлой вздрогнул, словно проснулся, и подбежал к Григорию Григорьевичу.

– Убери-ка эту пакость! Чтоб ни одного листка не осталось!

Он обернулся на кадета. Что это он там крутится? Уж не он ли эту гнусность разбросал? Вроде приличный молодой человек, но кто их сейчас разберет. Ходят с романтично задумчивым видом, а потом раз – и бомбу в ноги бросят! Кадет будто прочел мысли Елисеева и поспешил удалиться.

За обедом Григорий Григорьевич все не мог успокоиться.

– Куда только жандармерия смотрит? Это уже переходят всякие границы дозволенного! – возмущался он.

Мариэтта, предчувствуя политическую лекцию, поблагодарила за обед и пошла к себе. Последние несколько недель Гриша не мог нарадоваться. Девочка повеселела. К ней вернулся аппетит.

– Вот пусть ими полицейское управление и занимается. Что ты себе душу рвешь? Кто серьезно будет относиться к каким-то пошлым рисункам в грязи? – успокаивала его Вера Федоровна.

– Да об этом весь свет шепчется. В любом салоне только и говорят про Распутина, что он царицей управляет, а через нее государем и всей империей. Паузы такие делают многозначительные и глаза таращат, мол, даже произнести не смеют все скабрзные детали...

– Мне кажется, ты сгущаешь краски. Нужно совсем не знать Александру Федоровну, чтоб про нее такое подумать...

– А как же председатель Государственной Думы? Родзянко – главный сплетник и есть, несмотря на то, что в Царском селе бывает с докладами регулярно.

– Неужели это Родзянко утверждает, что между Распутиным и ее величеством есть... нечто?... – супруга даже не осмелилась дать этому название.

– Еще не хватало! Нет, но он носится с обвинениями Распутина, как с писаной торбой. Послушать его, так этот старик абсолютно во всем виноват – и хлыст он, и распутник, и мздоимец. Если что-то плохо в государстве, так все из-за него. Нечистый, да и только. Не удивлюсь, если в душе Родзянко мечтает, чтобы и эти грязные слухи оказались правдой!

К слову, Распутин был младше Елисеева на пять лет. Забавно, что Григорий называл его стариком, хотя себя таковым не считал. Объективности ради, Елисеев и выглядел значительно моложе. А с появлением в его жизни Веры Федоровны он еще больше расцвел на зависть злопыхателям.

– А тебе Распутин кажется достойным человеком?

– Отнюдь! Я думаю, он та еще шельма. Задурил всем голову со своими гипнотическими способностями, якобы лечит наследника. Если помогает мальчику, дай да Бог. Но я думаю, это самовнушение и желание верить в чудо бедной матери. Будучи хитрым мужиком, он, разумеется, пользуется ее расположением. Гуляет? – Естественно! Просит за кого-то? – Безусловно! Но то, что нет ничего непристойного в их отношениях с Государыней, я уверен! А взъелись все на него за то, что он подход к царской чете нашел. Это не так-то просто. Им всем хотелось бы быть на его месте. Всем им хотелось бы давать Императору советы и людей своих пристраивать. Обидно, что их мужик простой обошел! Да и забывают они, что у Государя своя голова на плечах! – Гриша грустно посмотрел на бутылку мадеры. Хотелось угоститься рюмочкой, исключительно в медицинских целях, для успокоения. Но в Пост было нельзя. Нужно было дожидаться хотя бы воскресенья.

– Пожалуй, – согласилась Вера Федоровна.

– Странные люди, у них государственных чиновников взрывают тысячами, а они считают самым страшным злом мужика неотесанного. По своим мыслительным способностям противника выбирают, не иначе.

– Вероятно, они думают, что присутствие Распутина и провоцирует народные волнения.

– Чепуха! Александра II взорвали задолго до появления старца при дворе. Массу людей погубили, когда про него даже никто еще и не слышал. Вот где опасность! Вот чего надо страшиться! Революционеров, народовольцев всяких! И не из-за самого Распутина народ волнуется, а из-за листовок этих гнусных. Откуда народу-то, что про него знать, коли никто не расскажет?

– Ну, все, Гриша, будет! Зачем ты меня пугаешь? Скажи, что все будет хорошо! Война скоро закончится, и мы поедем в Париж...

– Совсем забыл, у нас теперь там небольшой домик в округе Понтуаз.

– Так что же ты молчишь? Ах, какие восхитительные новости! – Вера Федоровна подошла к Григорию Григорьевичу и крепко обняла его.

Стемнело. В камине уютно трещал огонь. Пока Вера готовилась ко сну, расчесывая волосы перед туалетным столиком, Гриша лежал в кровати и гонял в голове беспокойные мысли.

– Как ты думаешь, на кого нацелена была эта пакость?

– Гриша, пожалуйста!

– Подумай.

– На Распутина, – отмахнулась Вера.

Гриша молчал.

– На Императрицу?

– Я боюсь, на Государя! И придумали это совсем не болваны или оболтусы... Царя народ любит. Если сразу на него нападать, люди встанут на его защиту. Очень хитрый ход – облить грязью человека, которому он благоволит, и царицу, а через это постепенно подрывать уважение к Государю. Умно, ничего не скажешь!

– Ведь ты только сегодня сомневался в их мыслительных способностях, – супруга ласково улыбнулась, считая, что подловила Гришу.

– Что ты, любимая! Мои сомнения относятся исключительно к индюкам, которые это по гостиним да салонам разносят. Они ведь в силу своей ограниченности даже не понимают всей опасности...

– Ты уже видел это? – Вера Федоровна не оставляла попыток сменить тему. Гришины рассуждения ввергали ее в тревогу и уныние. Она протянула мужу газету.

– «В 8 часов 30 минут вечера в театре «Фарс» по адресу: Невский проспект, 56 (дом Елисеева), начался самый забавный, самый веселый и интересный боевой фарс „Девушка с мышкой“, – прочел Гриша заметку вслух: – Что ж, будем надеяться, что он будет успешен даже без госпожи Лин. Посмотрим, на что способен Рассудов-Кулябко без примы...

– А что с ней сейчас?

– Да что с ней станется? Это же Валентина Феликсовна! Открывает новый театр, в другом доме на Невском же, – рассмеялся Елисеев, погрузившись в воспоминания, – а ты видела ее пародию на скандалиста Пуришкевича? Это было совершенно уморительно! Лин пела куплеты «Володя, не шуми», а седок в колясочке на сцене, невероятно напоминающий Пуришкевича, отвечал пронзительным свистом в свисток. Публика была в восторге! Однажды на Валентину Феликсовну даже набросились его поклонники. Прямо на сцене! Пришлось полицию вызывать, чтоб разнять!

Григорий Григорьевич хохотал так заразительно, что Вера Федоровна тоже рассмеялась.

– Зачем только она стала приваживать этого мерзавца Закретского, – отсмеявшись и вытирая слезы с глаз, с некоторой грустью заметил Гриша. – Потому я и расстался с ней без большого сожаления. Иначе уговорил бы ее остаться в театре и Рассудова-Кулябко урезонил бы.

Валентина Феликсовна Лин была незаурядной дамой – австрийская шансонетка, вышедшая замуж за немецкого подданного, успешно выступающая на подмостках России. Какое-то время она арендовала театр в магазине Григория. Фарсы, в которых она блистала, пользовались неизменным успехом. Была в этой женщине загадка, которая заставляла Веру Федоровну волноваться. Такие хищницы были способны увести любого мужчину из семьи. К счастью, в театре произошла мини-революция, и власть захватил режиссер Рассудов-Кулябко. Прима ушла, хлопнув дверью. Гриша принял это как данность и уговаривать госпожу Лин не стал по известным причинам – в последнее время ее часто видели в компании графа Закретского, закадычного Гришиного недруга. Валентина Феликсовна, возможно, понятия не имела о вражде мужчин, но такова несправедливость жизни – можно легко оказаться на обочине, просто попав в историю из-за своего незнания. Чтобы быть на коне, нужно обладать информацией, даже если она скрыта от большинства других глаз.

Х

Близилося Рождество. Волшебное время, когда все, даже до предела разочарованные и циничные люди, все равно ждут чуда. Ждали его и солдаты на полях сражений. И оно произошло. Воюющие стороны Западного фронта объявили спонтанное Рождественское перемирие, сопровождая его братанием, игрой в футбол, пением друг другу рождественских гимнов и обменом угощений. Как будто люди, оказавшиеся волею судеб на войне, вдруг осознали, что по ту сторону, такие же создания Божие. Командования воюющих стран пришли в ужас и впредь запретили солдатам общаться с противниками на дружеской ноте. Как иначе воевать? Как убивать друг друга? Но это будет позже, а в тот день казалось, что человечество еще не потеряло своего цивилизованного лица, и у мира есть надежда на светлое будущее.

В петроградских домах наряжали елки. Бедняки использовали яблоки и мастерили игрушки из подручных материалов. В обеспеченных домах украшения потрясали своим разнообразием – среди них были и стеклянные шары, и дрезденские картонажи, и бонбоньерки с конфетами, и мишура из металлической проволоки. Непременным атрибутом были свечи в специальных подсвечниках с боковым зажимом. Электрические гирлянды с разноцветными лампочками могли себе позволить только самые богатые семьи. Надо ли говорить, что у Елисеевых была одна из самых шикарно украшенных елок.

Это были первые праздники без Марии Андреевны.

Братьев пригласила к себе в Белогорку семья дяди Саши. Перед взором молодых людей предстал настоящий замок. Нойшванштайн в миниатюре. Заснеженные ели вокруг дома придавали ему совершенно сказочный вид.

– Я помню, как мама предложила построить рыцарский замок! – прошептал Шура.

Их уже ждали. Лиза приготовила всем комнаты. Елисеевы не видели свою двоюродную сестру после похорон матери и были удивлены, как резко она постарела. Заметные синяки под глазами выдавали серьезные проблемы со здоровьем.

В сочельник Александр Григорьевич с Еленой Ивановной отстояли службу в деревенском храме. Молодежь, придумав различные предлоги, идти в церковь отказалась. Дядя Саша был не из тех, кто бы стал кого-то неволить, поэтому принял их решение без возражений.

На Рождество в бальном зале был накрыт богатый стол, в центре которого, источая невероятные ароматы, красовался запеченный гусь. Вокруг него слаженным кордебалетом шли осетры отварные, жаркое из каплуна и рябчика, консоме из дичи с пирожками и гренками, различные соленья и сладости. Шарлот а ля рус одним своим видом возбуждал зверский аппетит. На небольшом расстоянии друг от друга стояло несколько одинаковых серебряных ваз эпернэ, усыпанных разноцветными фруктами.

Праздник начался с детского концерта. Платон, которому было уже девять лет, счел себя взрослым и выступать отказался. Зато Тася и Алла долго не отпускали публику, исполняя популярные песни и танцы. Все отметили, насколько ловко и складно все получалось у пятилетней Гулиной дочки. Малышка обожала водевили и оперетты. Как заправская артистка, исполнив а капелла женскую партию дуэта из «Сильвы», она сорвала самые искренние и бурные аплодисменты. Ее страстное тра-ля-ля-ля-ля-ля с легкой детской картавостью не могло никого оставить равнодушным. Взрослые рыдали от смеха и восторга. В семье росла настоящая звезда. Аллочка, которая была всего на год старше своей троюродной сестры, не была настолько артистична, и заметно расстроилась. Она прижалась к матери и надула губы, готовая вот-вот расплакаться. Но Лиза тут же нашла, чем отвлечь дочь и Тасю. Она отправила девочек снимать с елки игрушечные орешки с сюрпризами. Тут же воцарились тишина и спокойствие, периодически прерываемые радостными возгласами, когда из новогодних украшений извлекалось что-нибудь особенно ценное – миниатюрные флакончики духов или крошечные куколки.

Взрослые, наконец, смогли спокойно распробовать угощения и вести беседы. Безусловно, не обошлось без обсуждения войны и общей ситуации в России.

– И все же я не понимаю, зачем республиканская Франция дает финансовые займы России? Они что не понимают, что они поддерживают самодержавие? – вдруг неожиданно выдал захмелевший Шура.

Сережина супруга захлопала ресницами. Верочка Эйхе была полу-француженка. Во время войны с Германией было странно слышать нападки на страну, которая сражалась на одной стороне с Российской Империей. Однако радикально настроенная интеллигенция выдавала и такие сентенции.

– Что же здесь непонятного? – удивился Иван Яковлевич, муж Лизы: – они заинтересованы в сильном союзнике.

– Именно! Франция и втянула нас в эту военную авантюру, чтобы вернуть себе Эльзас. А русский мужик заплатит за это своей кровью!

– Шура, пожалуйста! Только не сегодня! – взмолилась Гулина супруга. Разговоры о войне, где ее супруг ежедневно рисковал жизнью, разрывали ей сердце.

– А у меня есть новости, – решил спасти ситуацию Коля. – Я подал прошение на имя ректора университета о разрешении вступить в брак...

Все оторопели, но быстро пришли в себя и бросились к Николаю с поздравлениями.

– И как величать избранницу? – поинтересовался Александр Григорьевич.

– Екатерина Карловна Абрагам, – ответил Коля и засмутился.

– Хотя бы не Верочка, – захохотал Шура. Гулина супруга шутливо потрепала его по вихрам. Они с Верой Эйхе не обижались. Шутки на эту тему стали уже традиционными в семье.

– Карловна, но хотя бы не Маркс, – передразнил Сергей брата, который был большим поклонником автора «Капитала».

– Да что ты прицепился к Марксу! – Шура не собирался сдаваться. – Ты его читал?

– Кто ж не читал эту утопию?

– Просто твое сознание ограничено буржуазным воспитанием, купеческой средой, в которой ты вырос, – начал было Шура: – Коля, хоть ты ему скажи!

– Удивительно, как это ты у нас вырос свободный, как ветер, ничем не ограниченный!

– Мальчики, довольно! – потребовала Сережина супруга. – Порадовались бы лучше за брата!

Вера попала точно в цель. Сергей вдруг осознал, что в глубине души он не очень рад Колиной женитьбе. Он ведь просил брата не торопиться. Но тот не послушался. Поступил по-своему, наперекор.

– А давайте танцевать! Заводите граммофон! – Лиза добросовестно исполняла роль радушной хозяйки, стараясь как можно тщательнее скрывать свое плохое самочувствие.

XI

Григорий Григорьевич проснулся от головной боли. Было уже довольно поздно. Рассвело. Обычно он вставал гораздо раньше, возраст давал о себе знать. В молодости Гриша мог проваляться в постели до обеда, если можно было позволить себе не ходить в лавку, а теперь нет, все как у Чацкого – «чуть свет – уж на ногах...». Но не в этот день. После вчерашнего маскарада у Степана Петровича голову словно поместили в чугунные тиски и постоянно подкручивали их, чтобы сжать сильнее. Он встал, медленно подошел к окну. За ночь резко потеплело. Снег превратился в грязную жижу. Подкатила тошнота.

Скрипнула дверь. Мерзкий звук пронзил голову Елисеева. Григорий не замечал раньше, что дверь такая визгливая.

Вошла Вера Федоровна с подносом, на котором дымился только что сваренный кофе в изящной фарфоровой чашке. Гриша поморщился.

– Мне что-то нездоровится. Я, пожалуй, полежу еще немного. Передай, чтобы отменили все встречи. Не смогу сегодня никого принять.

Он лег в кровать.

– Что случилось? – Вера Федоровна поставила поднос на стол, подошла к нему и села рядом. Она положила руку на его лоб. – Господи, ты горишь! Неужели инфлюэнца?

Гриша закрыл глаза. Как же было хорошо, чувствовать ее прохладную руку. Боль как будто даже отступила на мгновение.

– Посиди со мной, – попросил Гриша. – Может, на погоду...

– У тебя жар! Нужно позвать доктора! – супруга заметно разволновалась. До этого она никогда не видела Григория больным. – А пока заварю тебе чай из бузины или мать-и-мачеху с анисом.

– Не хочу. Принеси лучше сбитня, – закапризничал Гриша.

Вера Федоровна поспешила на кухню. Когда она вернулась, больной уже спал. Она не стала его будить. Известно, что сон лучшее лекарство.

После полудня прибыл врач. Он разбудил Григория и тщательно его осмотрел. Покачал головой, но ничего толком не сказал. Велел больному принимать аспирин, а Вере Федоровне обтирать мужа уксусом и обкладывать капустными листьями, чтобы сбить температуру. У Елисеевых нашлись запасы аспирина, который производился известной немецкой фармацевтической компанией, и поставки которого в Россию с началом войны прекратились. В свое время Гуля, пока еще жил в родительском доме, будучи поклонником этого средства, собрал большую коллекцию всевозможных его форм выпуска для своих наблюдений.

Елисеев провалялся в лихорадке три дня. Его знобило и трясло так, что зуб на зуб не попадал. Обтирания помогали, как мертвому припарки. Вражеский аспирин тоже не слишком старался ослабить страдания русского тела. Организм справился сам, и на третий день болезнь стала отступать.

Удивительно, но даже, несмотря на то, что больной несколько дней находился в полузабытии, никакие пугающие образы не являлись ему во снах. Словно со смертью Марии Андреевны отступили и ночные кошмары. Покойная сестра в наряде невесты уже несколько месяцев не ввергала его в холодящий кровь ужас.

На четвертый день, пообедав в постели, Гриша почувствовал в себе силы встать. Он подошел к окну. Подморозило. Мелкие снежинки искрились в воздухе.

Вдруг Григория Григорьевич заметил под окнами кадета, которого он уже однажды видел. Тот улыбался кому-то в Елисеевском доме. Из комнаты Григория не было понятно, куда конкретно смотрел молодой человек. Сначала Гриша подумал, что у мальчишки роман с какой-нибудь горничной. Потом он вдруг вспомнил о Вере Федоровне. Где она? Он не допускал мысли, что его супруга может кокетничать с кем-то, особенно с таким желторотиком, но все же опыт сигнализировал, что что-то с этим юношей нечисто. Жди беды. Григорий позволил в колокольчик.

– Где хозяйка? – хрипло поинтересовался Григорий Григорьевич у прибежавшей горничной.

– Нету-с. Четверть часа как ушла к модистке-с.

– Как только вернется, пусть зайдет.

Молодой человек показал кому-то в окне свернутый лист бумаги, положил его под камень, скрываемый ветками кустарника, и заторопился прочь. Григорий хотел было снова вызвать прислугу и отправить за запиской. У него до сих пор не шли из головы пошлые карикатуры на Распутина и Государыню. Но не успел он дотянуться до колокольчика, как из дома уже выскочила горничная. Она забрала послание и забежала внутрь.

Григорий Григорьевич поймал девушку на лестнице.

– Милочка, изволь-ка объясниться, что это за тайная переписка в моем доме? – просипел хозяин.

– Я ничего не знаю-с!

– А что это у тебя в руках? Революционная прокламация?

– Нет-с, что Вы! Я бы никогда... – голос у девушки задрожал.

– А что же тогда?

– Это амурное-с...

– Что ж, милочка, вместо того, чтоб работать, ты здесь амур крутишь?

– Это не мое-с! – горничная разрыдалась.

Все это казалось Григорию крайне подозрительным. Для кого же она тогда носит любовные записки, если это не ее? Григорий Григорьевич протянул руку, и девушка послушно отдала хозяину письмо.

Елисеев развернул листок и чуть было не рухнул с ударом.

ХII

«Милая моя, драгоценная Мария Григорьевна!» – начиналось послание. Елисеев побледнел, потом резко побагровел. Он будто забыл, что его дочка растет. Через несколько месяцев ей должно было исполниться пятнадцать. Самый возраст для первых невинных романтических чувств.

«Ни на минуту, ни на секунду Ваш волшебный образ не покидает меня! Нет в мире ничего более прекрасного, чем Ваша улыбка! Она меняет все вокруг, делая мир чище и светлее! Жаль, я не могу говорить с Вами и, не таясь, осыпать Вашу руку поцелуями не только в своих грехах! Если б можно было не пробуждаться вовсе!

Какое же было счастье, когда третьего дня я снова видел вас в больнице, слышал, как вы читали... Когда Вы передавали мне записку, Вы коснулись меня своими пальчиками. Не могу передать, что я испытал в тот момент!»

– Что? – взревел Григорий Григорьевич.

«Признайтесь, Вы тоже что-то почувствовали? Мне показалось, что Ваш румянец стал немного ярче. Еще недавно я рвался на фронт. Моим единственным желанием было служить Царю и Отечеству. Теперь же я не знаю, как выживу без возможности хоть изредка, пусть на расстоянии и через окно, видеть Вас. В мае меня отправят на войну. Это мой долг, и я никогда от него не отрекусь. Но пообещайте мне, моя драгоценная Мариэтта, что мы встретимся до моего отъезда! Хочу увезти с собой на фронт воспоминания об аромате Ваших золотых волос! Ваш преданный Паж»

– Мариэтта? Мариэтта! – завопил Елисеев, срывающимся голосом. – Немедленно ко мне в кабинет!

Когда Вера Федоровна вернулась от модистки, ее встретила зареванная горничная и раскаты Гришиного возмущения, громыхавшие на весь дом из кабинета. Женщина поспешила к мужу.

– Вот, полюбуйся, Вера Федоровна, кого мы вырастили! – срывающимся голосом хрипел Гриша, сунув ей в руки письмо.

Пунцовая Мариэтта с гордым видом стояла у окна, скрестив руки на груди. Она бросила презрительный взгляд на отца. Вера пробежала глазами первую строчку.

– Но это же личное! – она вернула письмо Григорию, не прочтя его.

– Именно! Но он, видимо, не знает, что читать чужие письма – недостойно! – высказала дочь.

– Ты еще ребенок! – голос Елисеева сорвался. – И пока у тебя нет своей головы на плечах, мне, видимо, придется читать всю твою корреспонденцию! В конце концов, я за тебя отвечаю! Ты что, не понимаешь, что он обесчестит тебя и бросит? Умчится на свой фронт, а мы будем здесь твой позор расхлебывать!

– Гриша, пожалуйста, успокойся. Тебе нельзя кричать. Ты совсем потеряешь голос, – закудахтала Вера Федоровна.

– Мы теряем ее честь, а ты мне про голос говоришь! – возмущенно хрипел Елисеев.

– Ты потеряешь дочь, если не прекратишь! – вдруг заявила Мариэтта. – Мы с Глебом любим друг друга! И никто нас не разлучит!

Гриша оторопел. Он никак не ожидал подобной дерзости от своей маленькой принцессы.

– Ах, ты... – у Григорий язык не поворачивался обозвать дочь словами, которые лезли в голову. – Бесстыдница! Прочь с глаз моих! Больше никакой больницы! Будешь сидеть дома, под охраной! Пока не поумнеешь! А если я увижу около дома этого наглеца, я вызову его на дуэль! И убью!

Мариэтта ушла, хлопнув дверью.

Григорий, обессилив, рухнул в кресло.

– Гриша... – начала было Вера Федоровна.

– Ты-то как могла проморгать? Он был в больнице, слушал, как она читает... Они там познакомились?

– Прости, я абсолютно ничего не замечала... – супруга лишь пожала плечами. Что тут скажешь? Недоглядела.

Весь оставшийся день Григорий мерил шагами кабинет, не находя себе места.

– Позор! Стыд! – его осипший голос становился все тише и тише, и, в конце концов, совсем исчез.

ХIII

Мариэтта устроила бойкот. Из комнаты не выходила, рыдала без перерыва, отказывалась есть и впускать к себе учителей.

Сердце Веры Федоровны разрывалось, глядя на страдания падчерицы. Но еще больше она переживала за Григория Григорьевича, который хоть и делал безразличный вид, безумно волновался за дочь. Кроме того, он еще не до конца поправился. Помимо здоровья мужа, ее пугала мысль о возможной дуэли. Хоть она и надеялась, что Гриша ляпнул это сгоряча, но все же. Хозяйка выпытала у горничной, когда обычно появлялся кадет, и в назначенный час уже поджидала его, чтобы развернуть и отправить восвояси. Вера Федоровна заранее предупредила Мариэтту об этом, чтобы избежать новой волны истерики, напугав девочку перспективой поединка между отцом и поклонником. Та согласилась, но с условием, что мачеха передаст молодому человеку прощальную записку.

Мариэтта знала, что Вера Федоровна, следуя своим моральным принципам, письма читать не станет. Поэтому помимо слов любви она написала ему инструкцию, как ее вызволить из родительской клетки. Самому Глебу была отведена весьма скромная и безопасная роль. Ему просто нужно было отнести еще одну записку в дом на Песочную. Остальное должны были сделать братья.

Вера Федоровна вернулась в дом с чувством выполненного долга. Это не была полная победа. Но, по крайней мере теперь ее супругу не грозила смерть из-за какой-то глупой сатисфакции. Молодой человек показался ей знакомым, хоть она и не была уверена, где и при каких обстоятельствах видела его.

Она зашла к Мариэте. Та лежала на кровати, уткнувшись носом в подушку. Длинные волосы были распущены, две пряди были скреплены бантом. Это не ускользнуло от внимания

мачехи. Значит, дело пошло на поправку. Когда женщина на пике истерики, она не станет думать о причёске.

– Дорогая, нужно немного поесть, – ласково начала Вера Федоровна, присев на край постели.

Мариэтта лишь дернула плечом.

– У тебя растущий организм. Необходим полный рацион. Ты же не хочешь остаться без бюста?

Девочка резко села и схватила себя за грудь. К пятнадцати годам природа одарила ее прекрасными аккуратными формами.

– Вздор! Это невозможно!

– Поверь опытной женщине, если сильно похудеть и здесь все заметно усохнет!

– Ладно... – согласилась испуганная затворница: – Но я не спущусь. Не хочу его видеть! Буду есть здесь.

– Хорошо, – примирительно согласилась мачеха. Начало положено. Постепенно она уговорит ее и с отцом помириться.

Вера Федоровна думала, что одержала первую победу. Но она не знала, что Мариэтта уже сделала ход, который должен был решить судьбу противостояния с отцом. Это был шах и мат в одно движение. Девочке оставалось только ждать.

В это самое время Глеб доставил записку по указанному адресу. Братьев Мариэтты не было дома. Поскольку он не мог долго ждать, он отдал послание встретившей его ворчливой старухе.

Когда вечером все собрались за обеденным столом, Манефа торжественно вручила письмо Сергею.

– От Мариэтты, – воскликнул он. Быстро раскрыл записку, прочел содержимое и радостно сообщил: – Она согласна! Хочет бежать!

Все оживленно зашумели.

– Замечательно! Она не пишет, почему вдруг передумала? – поинтересовалась Верочка.

– Написала, что отец – сатрап и деспот! Не считается с ее желаниями, душит свободу.

Сергей положил записку на стол, позволяя всем желающим взглянуть на нее.

– Ну, это не сюрприз, – заметил Шура.

– Манефа, а кто же принес записку, – полюбопытствовала Гулина жена.

– Да нешто я ведаю! Дармоед какой-то в военном. Без калош. Грязи, нехристь, наташил! – заворчала нянька.

Все пожали плечами. Решили, что это был просто случайный посланник, и тут же забыли про него. Теперь нужно было разработать четкий план операции.

XIV

Гриша проснулся от какого-то скрипа, как будто кто-то прошел мимо комнаты. Супруги рядом не было. В приоткрытую дверь он увидел мелькнувшую тень.

– Вера, – позвал он.

Никто не отозвался.

Тогда Григорий позвонил в колокольчик. Странно, но никто из горничных не явился.

– Черт знает что! – возмутился Григорий: – Зачем мне целая армия прислуги, если я никого дозваться не могу?

Он набросил халат и вышел из комнаты.

Кто-то спешно спускался по лестнице. Елисеев бросился туда.

– Кто здесь? – закричал Григорий: – Остановитесь немедленно!

Но шаги только ускорились. Гриша выскочил на лестницу и побежал вниз, куда вели удаляющиеся звуки. В пролет он увидел часть женского платья из белого кружева. Холодная рука ужаса сжала сердце Елисеева.

Когда Гриша спустился, он увидел, как из двери на улицу выбегает невеста. Он уже знал, кто это по тому всепоглощающему страху, который наполнил каждую его клеточку и сковал язык.

Перед тем, как дверь захлопнулась, невеста обернулась. Это была не Лиза. Это была Мариэтта! Гриша закричал.

Елисеев проснулся от собственного крика. Он напугал жену, которая спокойно спала рядом. Вера Федоровна вскочила и несколько секунд не могла понять, что происходит. Когда выяснилось, что это был просто очередной ночной кошмар, супруги немного успокоились и снова улеглись. Была еще глубокая ночь.

Но теперь Григорий не мог уснуть. Что это был за знак? Раньше Лиза предвещала чью-то смерть. Неужели дочери грозит опасность? Почему в этот раз в образе Лизы явилась Мариэтта. Что все это значило?

Измученный мрачными мыслями, под утро Григорий все же погрузился в тяжелую дрему.

В тот день, как и во многие другие в последнее время, Григорий проснулся без настроения. Голос к нему уже давно вернулся, а хорошее расположение духа – нет. И все из-за ситуации с дочерью. Он так ее баловал, исполнял любые желания, пылинки сдувал. Как же она могла быть такой неблагодарной? А теперь еще этот сон...

Гриша поработал дома – разобрал срочные бумаги, принял нескольких посетителей. Но ночной кошмар не шел у него из головы, мешая ему полностью отдаться делу.

После обеда Елисеев подошел к окну столовой. Вдруг он заметил, как к дому подошел человек в военной форме. Все произошло быстро, он даже не успел ничего толком разглядеть, как военный уже вошел в парадную. В прихожей звякнул колокольчик. Кто это? Уж не посланник ли поклонника Мариэтты? Гриша поспешил вниз.

* * *

Григорий увидел, как горничная в прихожей забирает у молодого военного фуражку и шинель. Наконец, юноша развернулся лицом к напряженному Елисееву. Ну, если только это тот самый Ромео! Григорий готов был вышвырнуть его из дома публично, со скандалом. Какого же было его удивление, когда он узнал в офицере – Петю!

Отца захлестнула безумная радость. Он бросился вниз и заключил сына в свои объятия.

– Петя! Сынок! Глазам не верю! – Григорий даже не надеялся, что после всего, что произошло, хоть кто-то из его мальчишек, придет к нему в дом. А тут такое неожиданно свалившееся счастье!

– Вера! Вера Федоровна! Посмотри, кто пришел!

Началась кутерьма. Петю потащили в столовую. Снова накрыли на стол. Мариэтта даже прекратила свое затворничество и ненадолго вышла из комнаты поздороваться с братом. Она с интересом и некоторым смущением рассматривала молодого человека. После того, как мать с братьями уехали жить в другой дом, они встречались редко. За это время из мальчишки Петр превратился в мужчину.

После обеда Гриша с Петей отправились в кабинет, выпить по рюмочке и поговорить приватно. Григорий чувствовал, что сын не просто так пришел. Он явно не решался заговорить о цели визита при всех.

Отец расспросил Петю про братьев. Тот рассказал все последние новости, обходя стороной острые, конфликтные темы. И все же, сообщение о женитьбе Николая укололо Елисеева. Его, отца, на венчание не пригласили. Это все очевидно было влияние Сергея.

– А что на фронте?

– Странно все – наступления отменяются одно за другим... отступаем...

– Куда же Главнокомандующий смотрит?

– Не знаю. Но в армии не его считают основным виновником...

– А кого же?

– Государя. А еще больше Императрицу с Распутиным.

– Великолепно! Командует один, а виноваты другие. Вот тебе и результат прокламаций.

Про Распутина уже слышать ничего не хочется. Удивительно было бы, если б это была не его вина на сей раз. На кого же еще списывать отсутствие ума и таланта у военного командования? Да и не только у них...

– Говорят, его Германия подкупила. Царь с супругой новостями с фронта делится, а она все дружку передает. Так секретные сведения до немцев и доходят...

– Сынок, ты эту ересь не повторяй. Это – измена.

– А ты слышал про дело полковника Мясоедова?

– Об этом весь Петроград судачит.

– Бонч-Бруевич отдал приказ его арестовать. Как ты думаешь, он и в самом деле шпион?

– На данный вопрос теперь следствие должно ответить. Но я думаю, это замечательный способ устранения соперников. Сейчас его опробуют на несчастном полковнике, а потом применят к более важным персонам. Метят ведь в военного министра Сухомлинова? А следом и в Распутина с Государыней... Кому нужен этот полковник? Стой-ка, сейчас вспомнил, а это не с Мясоедовым ли у Гучкова была дуэль?

– Ты думаешь, это интриги бывшего председателя Государственной Думы?

– Я бы не удивился... – задумался Григорий. – Да, Господь с ними... Сам-то ты как? При штабе не слишком опасно?

– Нет, отнюдь. Чаше бездельничаем... Я, собственно, из-за этого отчасти и пришел. Стыдно сказать, я в карты проигрался...

– Сын, ну как же так? Ты понимаешь, как это неприглядно выглядит? Люди гибнут, а вы порокам и праздности предаетесь...

Петя только печально вздохнул, потупив глаза.

– Ты денег хотел попросить? – помог Григорий сыну.

– Да...

– Сколько? – Гриша потянулся за бумажником.

– Шестьдесят четыре тысячи.

Григорий на секунду потерял дар речи. Он вскочил. Потом снова сел.

– Что? Сколько? – Гриша надеялся, что просто не расслышал, не так понял.

– Да, я знаю. Это огромная сумма. Я никогда раньше на такие деньги не играл. А тут бес попутал! Не могу передать, как я сожалею!

– Да ты с ума сошел! – набрав в легкие воздуха, с воплем выдохнул Григорий: – Это же тридцать автомобилей! Целый моторный парк!

Петя готов был провалиться сквозь землю. Ему и самому было паршиво от этой ситуации. Но карточный долг – долг чести.

– Ты же понимаешь, что ты залазишь в карман к Мариэтте, к брату? Клянись мне, что никогда больше ты не будешь играть!

– Слово офицера! Я больше карты в руки не возьму!

Григорий хоть и был в бешенстве, деньги непутевому сыну дал.

XV

Полковника Мясоедова в марте приговорили к смерти. Не помогло возмущение императрицы, которая осознавала истинные цели и последствия этого дела. Не помогло отсутствие веских улик. В Петрограде шептались, что, когда о недостаточности доказательств стало известно Главнокомандующему, великий князь Николай Николаевич заявил: «Все равно повесить!». На удивление данную казнь при всей ее неоднозначности общество восприняло с радушным энтузиазмом. За военные неудачи кто-то должен был заплатить кровью.

Елисеева эта история расстраивала невероятно. Он видел, что императорская чета начинает терять влияние. Разве можно было представить еще недавно, что кого-нибудь казнили бы, если Императрица или Государь были против? Григорию даже страшно было думать, к чему все это приведет.

Он предпочел снова полностью погрузиться в дела своего торгового дома. В очередной раз возникла необходимость поехать в Москву. Вера Федоровна его сопровождала.

Уже вовсю пахло весной. Солнце, прекратив быть просто далекой холодной лампочкой, усиленно топило снег. По улицам побежали первые беспечные ручьи.

Наконец, настал подходящий момент для братьев и Мариэтты осуществить задуманное. Девочка ездила к модистке на примерки. За зиму она подросла и нужны были новые платья. В одну из таких поездок перед автомобилем, в котором ехала Мариэтта с шофером, бонной и лакеем, случилась авария. Телега с пустыми бидонами врезалась в экипаж. Железные фляги, оглушительно звеня, покатались по улице. Кучера сцепились. Проехать было решительно невозможно. Шофер и лакей бросились драчунов разнимать. В этот момент, к мотору Мариэтты подбежали Сергей и Шура. С ними были еще два Сашиных друга, толи бандитского, толи революционного вида, которых он организовал для прикрытия отхода. Братья подхватили девочку на руки и вместе с ней нырнули в подворотню. Пока бонна докричалась до лакея, молодых Елисеевых уже и след простыл. Они запрыгнули в автомобиль, ожидавший их на другой улице, и умчались. Сашины друзья разошлись в разные стороны и затерялись в толпе.

Бонна срочно телеграфировала о случившемся Григорию Григорьевичу.

Вечером в дом на Песочной пригласили журналистов. Там Мариэтта объявила, что переезд к братьям – это ее сознательное решение. Наученная юристом, которого наняли братья, она так же подчеркнула, что вверяет опеку над собой второму официальному опекуну, дяде по материнской линии, господину Шмеману.

Известие из Петрограда застало Григория Григорьевича в Елисеевском. В кабинете был только он и управляющий, Сергей Кириллович. Вера Федоровна пила чай с подругой в Славянском Базаре. Телеграмму принес мальчишка-посыльный из гостиницы, который сразу же поспешил удалиться, увидев выражение лица Гриши.

– Что случилось, Григорий Григорьевич? – испугался Сергей Кириллович. – Что-то с сыном?

Гриша покачал головой и отвернулся к окну.

– Я могу чем-то помочь?

– Я ее не отдам! Я буду судиться... – пробормотал Елисеев, сквозь душившие его слезы.

Глава II

I

Григорий Григорьевич с Верой Федоровной возвращались в Петроград на поезде. Соседями по вагону первого класса были такие же богатые дельцы, дворяне и военные высших чинов. Но Гриша не расположен был к общению. Он сидел в купе на огромном мягком диване, закрывшись газетой, изображая, что полностью захвачен чтением. Даже в салон-вагон он вышел лишь на четверть часа, выпить бокал шампанского. Звуки фортепиано и запах дорогих сигар вызывали у него раздражение, ибо раз ему не было весело, отчего он должен был наблюдать развлечения других. Он поспешил укрыться в своей фешенебельной «норе», декорированной не хуже номера шикарной гостиницы изящной инкрустацией, расшитыми занавесками, начищенными бронзовыми ручками и задвижками на оконных рамах из красного дерева. Вера Федоровна последовала за ним.

За окном проносились заснеженные просторы – бескрайние белые поля и сказочные, словно засахаренные, хвойные леса. За городом еще царила зима.

Григорий перебирал в голове знакомых присяжных поверенных, кому мог бы доверить судиться за Мариэтту. В своем адвокате, который проиграл дело о наследных деньгах на образование детей брату Александру Григорьевичу, он страшно разочаровался. Кстати, тот мальчишка, которого нашел братец и который пытался изображать из себя Плевако, оказался неожиданно хорош. Что если обратиться к нему? Когда он подумал, что брат, возможно, тоже был замешан в этой истории, у него закололо сердце. Неужели Саша мог нанести ему такой удар? У него же самого дочь. Все, абсолютно все его предали. Даже его малышка, которая еще недавно души в нем не чаяла и была плоть от плоти его.

– За что? – спросил он вслух.

Вера Федоровна вздрогнула от неожиданности и отложила в сторону роман, который читала.

– Дети бывают жестоки, когда их лишают любимой игрушки или что-то им запрещают.

– Ты что же считаешь, нужно было им позволить флиртовать у меня на глазах?

– Полагаю, здесь так же, как в торговом деле – немного хитрости не помешало бы. Не всегда нужно действовать напролом.

– Ей всего четырнадцать! – он поперхнулся и исправился: – Хорошо, пусть завтра пятнадцать, но она еще ребенок! Мне претит даже думать, что кто-то может видеть в ней предмет обожания!

– Я понимаю. И думаю, что у тебя на глазах все было бы вполне невинно. Мальчик скоро ушел бы на фронт. А так...

– Что ты хочешь сказать? Она убежала, чтобы с ним тайно венчаться или того хуже?

– Ни один священник не будет венчать девицу, не достигшую шестнадцати лет. Так что будем надеяться, что до этого не дойдет! Она же твоя дочь! Значит, должна быть благоразумна.

– Ты многого не знаешь о моей семье, – горько усмехнулся Гриша: – помнишь мою сестру, Марию Григорьевну Гроер? Ты удивишься, но до Франца, царствие ему небесное, у нее был другой муж, которого она бросила вместе с детьми, чтобы помчаться за врачом свекра на войну с Турцией в санитарном поезде и выскочить за того замуж. Если Мариэтта пошла в тетку, то благоразумием там и не пахнет. Не дай Господь, еще на войну сбежит...

Григорий Григорьевич погрузился в тяжелые думы.

– Я готовил ей такой подарок на завтра!

– Прекрасно, отправь ей его и пригласи отпраздновать в ресторацию, как взрослую даму. Ей будет приятно. Она непременно отгадает.

Не успела Вера Федоровна договорить, как дверь купе с грохотом распахнулась, и к ним чуть не ввалился пьяный мужчина.

– Pardon, – извинился он и стал уже закрывать дверь, как встретился глазами с Елисеевым. Григорий чуть не захлебнулся от возмущения. Перед ним был никто иной, как Закретский, собственной персоной. Граф был удивлен не меньше. Он еще раз пробормотал извинение и скрылся за дверью. Там его уже поторапливал приятель, лицо которого Грише тоже показалось знакомым. Он мог побиться об заклад, что это был князь Львов. Григорий успел заметить длинный нос, узкое лицо и глаза с характерным прищуром. Хотя вряд ли этот набор можно было отнести к особым приметам. Так можно было описать четверть мужского населения Российской Империи.

Князь, несмотря на то, что по одной из ветвей являлся потомком Рюриковичей, слыл крайне революционно настроенным представителем Прогрессивной партии, преемницы партии мирного обновления. Такой нетривиальный парадокс не был чем-то оригинальным для того времени. Григорий было поразился странному дружескому союзу двух сынов разорившейся аристократии, но тут же объяснил себе сей факт активным нынешним или прошлым участием обоих в работе Государственной Думы, считавшейся рассадником революционных настроений и заговоров против царя. Если бы следом за ними в купе заглянули Родзянко с Гучковым, это было бы вполне закономерно.

Елисеев без удовольствия отметил про себя, что Закретский все еще был в прекрасной форме. И даже серебристая седина на висках необыкновенно шла ему, придавая дополнительное внешнее благородство. Не мог не заметить он и блеска в глазах графа, вспыхнувшего, когда тот увидел Веру Федоровну, которая даже в дороге умудрялась выглядеть изысканно. Но Гришина супруга была преисполнена достоинства и ответным взглядом пьяного нарушителя спокойствия не одарила.

II

После венчания Николай съехал из общего дома, поселившись с молодой супругой на Съезжинской улице. Коля переживал, что своим решением о переезде может обидеть братьев, но Сергей принял это на редкость спокойно. Хоть Петя практически перестал бывать, ссылаясь на занятость в штабе, дом на Песочной набережной был переполнен. Кому-то в любом случае пришлось бы съехать.

Комнату, в которой раньше жил Николай, отдали Мариэтте. Девочка пребывала в эйфории, но не из-за переезда, как казалось братьям. Она передала Глебу приглашение на домашний обед по случаю своего дня рождения. Наконец, они снова увидятся. Более того, влюбленные впервые смогут нормально разговаривать. Больше никаких записок и пантомимы через окно! Правда, родственникам она об этом сообщить не удосужилась. Они в принципе не знали о существовании Глеба. Они же не родители. Разве обещанная Сергеем свобода этого не предполагала?

От отца утром прислали сногшибательный подарок – огромную коробку, перевязанную розовой лентой. Когда Мариэтта распаковала ее, там оказалась невероятной красоты кукольный дом в несколько этажей с множеством комнат и миниатюрной мебелью. Девочка прыгала от восторга и хлопала в ладоши, пока не увидела осуждающее выражение лица Сергея. Пришлось ей отправить подарок назад. К коробке прилагалось приглашение в ресторан, которое девочка тоже проигнорировала. Она рассталась с драгоценными сюрпризами от отца почти без сожаления. Ради встречи с Глебом она была готова пожертвовать гораздо большим.

Весь день обе Веры готовили именинницу. Выбирали платье, туфли, чулки и украшения. Нужно было соблюсти баланс между праздничным и скромным вариантом, учитывая юный возраст виновницы торжества. Обе Верочки имели прекрасный вкус, поэтому Мариэтта перестала быть похожа на куклу, а стала настоящей юной леди.

Вечером, когда все уселись за столом, и братья уже никого не ждали, в прихожей зазвенел колокольчик. У Мариэтты заколотилось сердце. Она знала, что пришел тот, кого она ждала все это время, о ком думала каждый день с того самого момента, когда они впервые встретились в биржевой больнице. Когда в столовой с букетом цветов появился Глеб, присутствующие немного опешили. Первыми пришли в себя женщины. Они тут же распорядились, чтобы организовали еще одно посадочное место за столом. Еще несколькими годами ранее невозможно было представить себе такую ситуацию в принципе, чтобы человек явился в дом вот так, не будучи представленным. Гость тоже явно чувствовал себя неловко, но он считал, что несет ответственность за поступки Мариэтты, какими бы эксцентричными они не казались. Вообще, в России, да и в мире в целом, это было время разрушения традиций, и никто уже не понимал, где же та грань, которую переступать нельзя.

Разговор сразу не заладился.

После того, как несколько раз подняли бокалы за виновницу торжества, Глеб предложил тост типичный для офицеров того времени. По стечению обстоятельств в тот же день ранее молодого человека произвели в прапорщики и приписали к Павловскому полку, поэтому он был взволнован не только из-за визита к Елисеевым. Первого мая он должен был уйти на войну.

– За державного вождя русской армии! За скорую и славную победу! – пылко произнес вчерашний паж и выпил свою рюмку стоя.

Братья с неохотой поднялись и проглотили свои напитки. Лишь Николай не скривил лицо при словах гостя. У Шуры заходили желваки, но он не посмел при чужом человеке высказать все, что думает. Сергей был прав, ему следовало быть осторожнее.

– А что же, правда, что в Пажеском корпусе кадеты жалуют друг друга немного больше, чем то пристало мужчинам? – Шура не нашел ничего умнее, чем уколоть Глеба, совершенно не подумав про сестру и присутствующих дам.

Обе Веры ахнули. Сереежина супруга, рядом с которой сидела именинница, быстрым движением прикрыла Мариэтте уши. Братья оторопели.

– Шура, прекрати немедленно! – возмутилась Гулина супруга.

– Мне об этом ничего неизвестно. Но Вам, вероятно, виднее, – ответил обидчику Глеб: – Прошу меня извинить, я вынужден откланяться.

Шура рисковал. За такие намеки его запросто могли вызвать на дуэль. Про Пажеский корпус действительно ходило много разных слухов – и про масонство, и про распространённую там содомию. Но обвинять всех, и особенно кавалера сестры, которого в семье видели впервые, было глупо и некрасиво. Хорошо, что Глеб был человеком разумным и слишком дорожил Мариэттой, чтобы потребовать сатисфакции у ее брата. Именинница пошла проводить Глеба до дверей. Он поцеловал ей руку, чуть дольше задержавшись губами у нежной девичьей кожи, чем того требовало.

– Я буду Вас ждать, – шепнула Мариэтта: – Вы будете мне писать?

– Я не смею требовать от Вас этого, – Глеб пытался быть благородным, хотя не было на свете ничего, что бы он желал так же страстно: – Если б только это было так, я был бы самым счастливым человеком! Я непременно буду Вам писать, но это не должно Вас ни к чему обязывать... Скорее всего, меня еще не будет рядом, когда случится Ваш первый выход в свет. Вы затмите всех нынешних красавиц, и у Вас будет множество других воздыхателей...

– Мне никто не нужен, кроме Вас, – наивно и искренне призналась девочка.

У Глеба перехватило дыхание, и он поспешил уйти. Невозможно было находиться рядом с любимой девушкой и не сметь прижать ее к себе.

Мариэтта пошла к себе в комнату.

– Это было отвратительно! – проходя мимо братьев, высказала она Шуру, с которым Коля и Сергей уже провели воспитательную работу: – Благодарю за праздник! Даже отец не смог бы испортить его больше! Теперь я уже не так уверена, что уехать от папа было правильным решением.

Она хлопнула дверью своей комнаты. Обе Веры отправились за ней.

– А мне противно видеть за нашим столом этого патристического болвана! На таких идиотах и держится самодержавие! Если ты не откажешь ему от дома, я съеду, – Саша не нашел ничего уместнее, чем выдвинуть Сергею ультиматум.

– Шура, прекрати! Ты же слышал, он уходит на войну, какой смысл ему отказывать от дома, если он все равно здесь пока бывать не сможет? А там война планы покажет... в буквальном смысле, – рассудил Сережа: – Для меня это тоже, как гром среди ясного неба! Рановато ей еще кавалеров принимать! Не предупредила, не посоветовалась ни с кем... Что нам дальше ждать? И он хорош! Явиться в дом к чужим людям! Чему их там в Пажемском корпусе учат?

Саша открыл было рот.

– Прошу тебя, Шура, оставь свои гнусные инсинуации! Этот вздор ты со своими друзьями на какой-нибудь маевке обсудишь.

III

Обещание, данное отцу, Петр держал. В карты в штабе не играл, хоть зачастую и был приглашен на офицерские вечеринки. Даже оказавшись снова в Москве, по значным местам, которые ему показал Митя, не пошел.

Когда он ужинал в Яре, туда ввалилась громкая компания во главе с Распутиным. Знаменитого старца было невозможно не узнать. Даже те, кто видел только его фото в газетах, тут же поняли, кто перед ними – косоворотка, сапоги, волосы, расчесанные на прямой пробор и острый, пронизывающий взгляд. По столам посетителей пробежался шепот. Тут же все закрутилось пьяным калейдоскопом – вино, танцы, балалайки, цыгане. Старец уже едва стоял на ногах, когда начал похвастаться любовными похождениями в Петербурге, сдобривая свои байки пикантными подробностями.

Женщин, которых упоминал в своей скабрёзной речи Григорий Ефимович, Петя если и знал, то исключительно заочно, поэтому не мог понять, есть ли в рассказанных амурных победах хоть толика правды. Все выглядело пустым бахвальством перед спутниками и гостями заведения. Отчего-то сама мысль, что этот старый, неопрятный человек ведет интимную жизнь вызвала у Петра отвращение. К слову, несмотря на то, что его отец, Григорий Григорьевич, выглядел во сто крат лучше Распутина, был подтянут, элегантен и привлекателен, сына в свое время совершенно огорошило наличие у него любовницы и последующая женитьба. Пете казалось, что люди в таком почтенном возрасте должны уже больше думать о душе, а не за юбками бегать. Плотские утехы должны оставаться привилегией молодости, был уверен юный поручик. Впрочем, теперь, поближе познакомившись с мачехой, которая была полна шарма и очарования, Петя немного смягчился.

Однако вакханалия, устроенная старцем, действовала на молодого человека удручающе. Он поспешил закончить ужин и удалиться.

Петя избегал не только карточных игр. После визита к Григорию Григорьевичу он почти не бывал у братьев. Ему было неловко. Он считал, что Сергей презирал бы его не столько за карточный долг, сколько за то, что он просил деньги у отца. Поэтому день рождения сестры он тоже пропустил, оправдываясь отсутствием поручений, требующих поездок в Петроград. Он боялся, что Мариэтта может заговорить с ним о встрече в родительском доме, и тогда все бы выплыло наружу.

* * *

Григорий Григорьевич получил очередную оплеуху от судьбы – дочь не приняла его подарки ко дню рождения, которые он так старательно ей готовил. Теперь, понимая, что наладить с Мариэттой общение мирным путем не получится, он окончательно и бесповоротно решил судиться. Опросив всех своих друзей и родственников, он выбрал присяжного поверенного, которому доверил это дело. Тот сразу предупредил, что тяжба потребует много времени, сил и финансовых вливаний. Но Гришу этим было не напугать. Елисеев был настроен серьезно, как никогда.

Узнав в мае, что Глеб ушел на фронт, Григорий Григорьевич немного успокоился. Теперь, по крайней мере, можно было не ждать каких-то неприятностей с этой стороны. Несмотря на то, что ко всеобщему ликованию Италия вступила в войну на стороне Антанты, ситуация на фронте по-прежнему была тяжелой, поэтому вряд ли юный поручик мог вернуться раньше, чем через год. А за это время, думал Григорий, может случиться всякое. Ранние влюбленности хороши тем, что чаще всего проходят быстро и бесследно, как короткое питерское лето.

Через две недели Елисеева и Кобылина пригласили на Торгово-промышленный съезд в Петрограде. Гриша сомневался, стоит ли идти. Он был уверен, что собрание непременно будет носить политический флер, принимая во внимание личность организатора, которого Елисеев знал не понаслышке. Павел Павлович Рябушинский был внуком бывшего свекра Ольги Григорьевны, родной сестры Гриши, которого посадили за поджог мельницы конкурента. Григорий, возможно, был не совсем объективен по отношению к Рябушинскому, испытывая даже некоторую зависть, поскольку тому, в отличие от Гриши, удалось развестись со своей первой супругой и остаться с ней на короткой ноге, периодически поигрывая в бридж с ней и ее новыми мужьями. Никакой драмы, хоть дама была с характером и изначально нервишки Павлу Павловичу потрепала. Но вернемся к съезду, цель которого была благая, поэтому Елисеев с Кобылиным решили поучаствовать. Рябушинский предлагал организовать военно-промышленные комитеты, куда бы входили высшие офицеры и ключевые дельцы для совместных усилий по мобилизации промышленности, чтобы обеспечить армию недостающими ружьями и снарядами. Однако Григорий Григорьевич с Александром Михайловичем все же покинули съезд до его окончания из-за активной политической риторики.

– Почему любое благое дело необходимо превратить в оружие революционной борьбы? – сетовал Гриша.

– Хотя именно сейчас обществу следовало бы объединиться, – поддержал Александр Михайлович.

– Решили помочь армии – великолепно! Производство снарядов – замечательно! Зачем противопоставлять это правительству и Государю? Ведь он мог просто приказать все это сделать. Но царь позволяет промышленникам проявить свое благородство... Только, видимо, господам это невдомек...

– Главное, чтобы планы по снабжению фронта не остались болтовней, – подытожил Кобылин.

На крыльце они столкнулись с Родзянко. Он был встревожен и слишком бледен для своего тучного телосложения, подразумевающего румянец на всю щеку. Председатель Государственной Думы частично слышал разговор известных купцов, поэтому он обратился к ним, словно желая подтвердить свои предположения.

– Вы не находите, что призывы Рябушинского излишне революционны?

– Пожалуй, – ответил Григорий Григорьевич.

– Эти крайности только навредят делу. Боюсь, руководителям съезда может грозить арест, – Михаил Владимирович действительно выглядел испуганным.

– Сомневаюсь. Хотя, думаю, это было бы нелишним. К чему сейчас расколы? Фронту нужен крепкий и надежный тыл. Без всяких бунтов и революций! – ехидно поддел толстяка Елисеев.

Михаил Владимирович поджал губы.

– А Вы, Григорий Григорьевич, какой партии симпатизируете?

– Я, Михаил Владимирович, симпатизирую Государю-императору. В политике не разбираюсь, поэтому не участвую. Я, видите ли, уверен, что каждый должен быть профессионалом в своем деле. Не умеешь – не берись! А у нас сейчас, как я погляжу, все поголовно политики! – Гриша считал Родзянко недалеким интриганом и надеялся, что тот поймет его довольно грубый намек. Но толстяк не сообразил, что острые слова обращены к нему. Ходили слухи, что сам он был довольно высокого мнения о своих талантах и считал себя вторым человеком в государстве, что было смешно и слишком самонадеянно даже для такого напыщенного себялюбца.

– Да-да, – пробормотал он и пошел внутрь.

На следующее утро, открыв газеты, Елисеев прочел восторженные заметки о съезде, который называли дерзким вызовом отмирающим силам русской государственности. Гриша глубоко вздохнул, скомкал «Биржевые ведомости» и метким движением бросил в урну, попав с первого раза.

IV

Вскоре газеты запестрели историями о загулах Распутина. До этого пресса не позволяла себе открыто касаться друга царской семьи, и слухи ограничивались устной передачей по салонам и гостиным. Первыми отличились снова «Биржевые ведомости», хлестко высказавшись по теме и поставив вопрос ребром – доколе?

Ситуация в тылу становилась все напряженнее. Жители городов, раздосадованные постоянными поражениями русской армии, активно искали виновных – Распутина, императрицу, Николая II, всех немцев.

То в одном, то в другом городе стали вспыхивать немецкие погромы. В июне запылало в Москве. Магазины и лавки, принадлежащие немцам, были разгромлены. Толпа двинулась к Марфо-Мариинскому монастырю, где игуменьей была сестра императрицы, Елизавета Федоровна, которая еще недавно считалась любимицей москвичей. Люди моментально забыли все ее благодеяния, работу в госпитале во время русско-японской войны, ее страшную потерю и благородное прощение убийцы супруга. С налитыми кровью глазами они пытались прорваться в обитель, чтобы растерзать «германскую шпионку». На Красной площади демонстранты призывали свергнуть Государя, передать корону великому князю Николаю Николаевичу, императрицу сослать в монастырь, а Распутина повесить.

В Царском Селе были возмущены бездействием московских властей, которые позволили безобразиям случиться. Князь Феликс Феликсович Юсупов, супруг княгини Зинаиды Юсуповой, то ли не смог, то ли не захотел быстро пресечь беспорядки. В любом случае, с возложенной на него ответственностью он не справился, и был отстранен от должности главного начальника Московского военного округа.

– Ох, нажила себе императорская чета еще одного опасного врага, – поделился Елисеев с Кобылиным за обедом.

– Ты о ком? О князе? Брось! Он не слишком умен, чтобы представлять какую-то маломальски серьезную угрозу. Что он может сделать?

– О, я не о князе... Отнюдь. Я о княгине! Уж ей-то ни ума, ни дерзости, ни богатства не занимать. Вот увидишь, она найдет способ отомстить. Камня на камень не оставит.

– Любишь ты, Гриша, все драматизировать, – улыбнулся Александр Михайлович: – Мне казалось, ты ей благоволил раньше...

– Я до сих пор преданный поклонник ее красоты... Только слепой может остаться равнодушным к таким глазам! Но не хотел бы я оказаться в ряду ее врагов! Если б я кого-то и опасался, то не пустобрехов, типа Родзянки, а вот таких серых кардиналов, как Зинаида Николаевна!

* * *

Анти-германские беспорядки добрались и до Петрограда. Гулина супруга, урожденная Гаммер, не чувствовала себя в безопасности. Она подумывала забрать дочь и уехать в провинцию. Но сведения о погромах приходили уже и из глубинки.

Как-то вечером, когда Сергей возвращался домой из университета, он наткнулся на людей, которые крушили булочную. Было еще светло. Белые ночи не желали прикрывать бесчинства покровом темноты, однако погромщиков это нисколько не смущало. Хозяина-немца выволокли на улицу и жестоко избивали. Редкие зеваки наблюдали за происходящим издали. Некоторые из них, похоже, подумывали присоединиться к погрому. Но были и те, кто пытался разыскать городского или дворника на худой конец. Сергей, недолго думая, бросился на помощь бедняге. Несмотря на невысокий рост, он был вполне спортивным человеком и, хотя практически не дрался в детстве, веря, что любой конфликт можно решить словами, одно время он увлекался английским боксом. Серж пытался постичь этот вид боевого искусства не для овладения навыками нападения или защиты, а чтобы понять, как правильно принимать удары. И в переносном смысле в том числе. Знал бы он, как все это ему скоро пригодится. Молодой человек не мог стоять в стороне и просто увещевать распоясавшихся молодчиков. Он нанес несколько точных ударов, но его все же повалили навзничь. Сергей почувствовал удары ног о свои ребра. От боли искры сыпались из глаз. Вдруг откуда ни возьмись на бандитов с диким, устрашающим воплем набросился Шура. Хулиганы уже подустали и не были готовы к отражению новой атаки. К тому же, в конце концов, послышался свисток полицейского. Банда бросилась наутек.

Шура поднял Сергея с земли. Тот, преодолевая боль, отказался от вызова кареты скорой помощи, предложенной подоспевшим полицейским, и братья поковыляли домой.

– Шурка, ну и горазд ты орать! – вдруг сквозь стон рассмеялся Сережа: – Ребра у меня заживут, а вот барабанные перепонки – навряд ли!

– Ничего не понимаешь, это была психологическая атака! Видел, как они драпали? – Саша обрадовался, что брат в состоянии шутить. Значит, жить будет.

Недалеко от дома братья сели на лавочку, перевести дух. Удивительно, но при такой драке одежда практически не пострадала. Вот оно – качество! Пока старший брат пытался разогнуться и выровнять дыхание, Шура чистил его портфель.

– Знаешь, если б Николашка был умнее, он бы сослал свою немку с сестрицей в монастырь, а Распутина вздернул бы на виселице. Тогда его было бы сложнее сбросить...

– Шур, ну ты правда думаешь, что она – шпионка?

– Какая разница. Народ так думает.

– Что ж, народ вон и лавки громит... Веру Гулину вместе с царицей сошлем? Она же тоже немка, – Сергей почти перестал стонать.

– Да ты что? Верочка здесь не при чем! И муж ее на войне каждый день под пулями ходит!

– Так для Николая его Аликс, такая же Верочка... Понимаешь?

– И пусть! Больше поводов его свергнуть! – бубнил Саша.

– Шур, давай дома про наше приключение ничего не скажем. А то Верочка и так переживает... Не будем подливать масла в огонь! Моей вообще нервничать нельзя, еще родит раньше

времени. А если Манефа, не дай Бог, узнает, так она этих бандитов из-под земли достанет, и тогда они пожалеют, что не к германцам в плен попали!

– Согласен, – захохотал Шура.

V

Все кровавые жертвы, принесенные погромщиками, никакого впечатления на Богов войны не возымели. В июле немцы взяли Варшаву. Дума потребовала начать расследование против военного министра Сухомлинова. Депутаты желали знать – он просто коррупционер или такой же шпион, как его друг полковник Мясоедов. Однако вполне ожидаемым выступлением против Сухомлинова они не ограничились, а замахнулись даже на императорскую семью, подняв вопрос об отставке великого князя Сергея Михайловича.

Митя, хоть и не был членом монаршей семьи, тоже переживал не лучшие времена. Последние месяцы были настолько неудачны, что он больше не мог содержать огромный дом. Ему пришлось продать свой особняк и переехать в более скромное жилье. Прислугу рассчитали, а Глаша начала вспоминать навыки домохозяйства, приобретенные в школе рукоделия.

Глафира не роптала, смиренно принимая все испытания, ни разу не проронив ни слова укора. Но Митя все равно чувствовал вину, и это страшно бесило его. Что же получается, она такая идеальная и благочестивая, а он – подонок и пьяница? Как назло, история с метательными аппаратами буксовала. Это тоже добавляло раздражения. Но самым ядовитым червем, прогрызающим дыры в сердце Мити, была ревность.

Глаше теперь приходилось самой ходить в лавки и на рынки за продуктами. Митя не мог не замечать, как на нее смотрят мужчины на улице. До сих пор он помнил слова тетки о том, что Тата не его дочь.

Как-то Митя вернулся домой в изрядном подпитии. Глаши не было. Он увидел в окно, как она подходит к дому, а ее тяжелую корзину с продуктами несет молочник из соседней лавки – молодой, крепкий парень. Митя почувствовал, как гнев разливается по его венам.

Как только Глаша зашла в прихожую, ее встретила сильнейшая оплеуха от мужа. Женщина настолько растерялась, что даже не закричала.

– Потаскуха! – крикнул ей в лицо Митя, забрызгав слюной, которой можно было дезинфицировать, настолько разило алкоголем. Он ударил жену второй раз.

Глафира упала. Она прижала руку к горячей щеке и заплакала.

– Думаешь, я не знаю? Не догадываюсь? – на мужчину было страшно смотреть. Лицо было перекошено от злости.

Глаша горько рыдала. Она решила, что Митя узнал про ночь с графом и бьет ее за это.

– Прости, – заикаясь от всхлипываний, проговорила она. Было очевидно, что она чувствует себя виноватой.

Митя жаждал крови. Его гнев рвался наружу, но жена уже лежала поверженная на полу, и он побоялся, что не сможет остановиться. Никогда раньше его так не захлестывали эмоции. Тогда ревнивец стал крушить мебель и все, то попадалось ему под руки. Разгромив прихожую и часть комнаты, Митя направился к выходу.

Глаша рыдала на том же месте. Когда женщина увидела, что муж уходит, она в панике схватила его за штанину и попыталась удержать.

– Не оставляй меня! – рыдала она: – Я люблю только тебя!

Митя вырвался и выскочил из дома. В его голове пульсом стучали ее слова. Никогда раньше он не видел от нее такого открытого проявления чувств и пылкого признания в любви.

Ревнивец посидел в трактире, выпил несколько рюмок. Но водка уже не лезла, а вот супруга не шла у него из головы. Он испытывал невероятное желание быть с ней, сам удивляясь такому приливу страсти после безумного скандала.

Митя поспешил домой. Там он схватил заплаканную жену и отвел в спальню. Супруга поразила его. Даже в их первую брачную ночь она не была столь чувственной и безудержной. А Митю в глубине души терзали сомнения – боится потерять или заглаживает вину? За что конкретно она так самозабвенно просит прощения?

Утром Митя проснулся с мерзким похмельным привкусом во рту, страшной головной болью и каким-то странным ощущением, которое посетило его впервые – ему было противно смотреть на Глафиру.

VI

Удивительно цинично устроена жизнь. Где-то идет война, гибнут солдаты, а жизнь в тылу не останавливается. Люди любят и ненавидят, женятся и разводятся, рожают детей и умирают. Человек поражает своим умением приспосабливаться даже к самым чудовищным обстоятельствам.

Как и миллионы других европейцев, Елисеевы продолжали жить своей жизнью.

После окончания университета Николай стал работать помощником присяжного поверенного. Новые семья и работа занимали почти все его время, заметно сократив визиты к братьям.

После ухода Глеба на войну, Мариэтта затихла. Братья выдохнули. Более не было эксцентричных выходов и скандалов. Девочка преданно ждала своего героя, регулярно получая письма с фронта и исправно отвечая на них.

Сергею в любом случае некогда было бы нянчиться с домочадцами. Он выдержал испытание на степень магистра японской словесности при Петроградском университете. Кроме того, они с Верочкой ждали первенца и были поглощены последними приготовлениями.

Шура, как всегда, находился в состоянии постоянного протеста и исправно посещал различные разгоняемые собрания. На одном из митингов он увидел девушку, которая поразила его воображение. Она смело выступала, призывая к решительным действиям по свержению самодержавия:

– Долой грабительскую войну! Долой кровавый царский режим! Да здравствует революция! Берите в руки оружие, конфискуйте помещичьи земли и фабрики! Да здравствует демократическая республика!

Ораторша была наэлектризована, как шаровая молния. Если б перед ней сейчас предстал какой-нибудь помещик или промышленник, она бы прожгла его насквозь одним только взглядом. Шура раньше не встречал таких девиц. Барышни, окружающие его, были скромными, милыми, стеснительными, опускающими глаза от смущения. Приглашение сестрой в дом кавалера без соблюдения всех церемоний считалось верхом авантюризма и своеволия. А тут была самая настоящая амазонка! Что особенно нравилось Шуре, в революционерке полностью отсутствовала визгливая истеричность, характерная многим суфражисткам. Ей совершенно чуждо было кокетство. Взгляд ее был суровым, но открытым и честным. Она искренне верила в то, что говорила. Саша был покорен.

Девушка закончила речь и слезла с самодельной трибуны, быстро собранной из нескольких ящиков. Неожиданно глаза Шуры и русской богини-воительницы встретились. Молодой человек не выдержал ее долгий, прямой взгляд и отвел глаза. Такое было с ним впервые.

Вдруг раздались свистки жандармов. Собравшиеся бросились врассыпную. Девушка, пробегая мимо Саши, схватила его за руку и потащила за собой.

Скрывшись в подворотне, они пробежали несколько улиц и, наконец, оторвавшись от преследователей, остановились отдышаться. За все время молодые люди не проронили ни слова. Шура судорожно подыскивал слова, но боялся ляпнуть что-то не то. Выкурив сигарету и внимательно разглядев Сашу, девушка снова взяла его за руку и повела в дом. Они подня-

лись на второй этаж и, пройдя через несколько помещений, оказались в крошечной каморке, в которой, похоже, Петроградская Афина и проживала.

Без всяких разговоров, девушка начала раздеваться. Шура остолбенел. Он не мог поверить такому счастью и боялся пошевелиться. Совершенно не стесняясь наготы, она легла на кровать, без всякого жеманства демонстрируя упругий молодой стан. Саша никогда раньше не видел такой золотисто-смуглой кожи.

– Чего застыл, как истукан?

Шура спешно разделся и лег рядом.

Когда все закончилось, Саша хотел обнять и поцеловать девушку, но она одарила его таким взглядом, что, если б он мог воспламениться в буквальном смысле слова, от него осталась бы только кучка пепла.

– Только без этой мещанской пошлости! Не надо придавать слишком большого значения инстинктам, – довольно холодно заявила девушка.

Шура понял, что пора убираться. Еще несколько минут назад он был на седьмом небе от счастья, а теперь он рухнул прямиком в преисподнюю. Такого фиаско в его жизни еще не случилось.

– Зоя, – представилась девушка, когда он уже выходил в дверь.

– Александр!

– Приходи завтра к семи.

Они стали встречаться почти каждый день. По большому счету, сценарий всегда был один. Зоя выступала на митингах, а потом они шли к ней. Через некоторое время молодой человек стал задаваться вопросом, который обычно скорее интересует женщин – кто они друг другу? Сам он в первый же день потерял голову, но что Зоя чувствовала к нему, он не понимал. Однако спросить девушку он боялся, не понимая, какой может быть реакция. Пока он был готов быть при ней кем угодно.

VII

1-го августа у Сергея и Верочки родился чудесный малыш, которого нарекли Никитой. Дом на Песочной набережной погрузился в приятные хлопоты. Давно уже здесь не было так солнечно. Только Григорию Григорьевичу о рождении внука не сообщили. Сергей строго настрого запретил это делать. В отличие от отца, дядя Александр Григорьевич и его супруга Елена Ивановна были дорогими гостями. Старики давно уже не нянчились с грудными детьми и с удовольствием приходили полюбоваться на беззубую улыбку Сережиного сына, способную растопить любое сердце.

Петя узнал о рождении племянника, будучи в штабе. В этот раз он действительно не мог отлучиться. В последнее время что-то происходило за кулисами, витало в воздухе, сквозило в выражении лиц офицеров высоких чинов, но было настолько призрачно и эфемерно, что младшему офицерскому составу невозможно было поймать суть происходящего. Однако это что-то загрузило Петю работой. Его бесконечно гоняли с посланиями на фронт и обратно.

Война, в конце концов, прекратила скрывать свою страшную сущность от младшего сына Елисеева. В своих поездках на линию фронта он попадал под обстрелы вражеской артиллерии, видел искалеченных и убитых солдат. Люди, которые вот еще лихо скакали рядом с ним, пришпоривая коней, вдруг падали наземь замертво. Самым большим кошмаром для него были раненные с оторванными конечностями или развороченными животами, корчащиеся в предсмертных муках. Петя физически страдал от невозможности им помочь. Ему посчастливилось не встретить жертв химических атак, словно судьба все же берегла его психическое здоровье. После вылазок на фронт, Петю мучили кошмары. До войны он не был ни глубоко верующим человеком, ни атеистом. Сказывалось противоречивое влияние отца и братьев. Теперь он стал

обращаться к Богу, стал молиться и просить о быстрой и достойной смерти, если суждено погибнуть.

Назревавший в командовании армии гнойник лопнул в конце августа. Государь освободил великого князя Николая Николаевича от обязанностей главнокомандующего, отправив его наместником на Кавказ. Император принял командование на себя и выехал в ставку в Могилев. Несмотря на то, что многие посчитали это признаком личного мужества Николая II, высшие военные чины не проявили энтузиазма по этому поводу. Тут же зашептали о мести Распутина, у которого были натянутые отношения с великим князем, о влиянии на супруга Александры Федоровны и о низкой ревности царя к Николаю Николаевичу, которого любила и уважала армия. Это решение императора оказалось шоком для многих. Ждали чего угодно, но не такого поворота.

Петя растерялся. Он не мог понять, на чьей он стороне. Юноша вырос с братьями и привык к постоянной критике царя и правительства. В штабе он также был окружен командирами, которые не слишком скрывали своего презрения к безвольному, как им казалось, монарху, пляшущему под дудку немецкой шпионки и Распутина. С другой стороны, Петя не понимал восхищения в армии великим князем. Очевидно, что тот не был гениальным полководцем. Если б это были исключительно суждения отца, Петя с негодованием отверг бы их. Но он получал ежедневное подтверждение тому на фронте. Он все видел своими глазами. Не похоже, что стратегией Николая Николаевича было заманить неприятеля в тыл Российской Империи, где потом нанести сокрушительный удар. Он явно не был Барклаем де Толли. Нет, хаотичные отступления армии скорее напоминали полное отсутствие какой-либо разумной стратегии. Молодому человеку казалось странным, что офицеры были словно ослеплены обаянием великого князя, который преподносил себя сильной личностью, и не желали признавать очевидных фактов. Тем не менее, Петя стеснялся озвучить свои сомнения и старался помалкивать на данную тему, чтобы не слыть белой вороной. Для себя самого юноша нашел вполне рациональное объяснение – он просто многого не знает в силу молодости и низкого чина. Он решил, что прежде чем он окончательно придет к какому-то заключению, понаблюдает, как ситуация будет развиваться.

VIII

По улицам Петрограда элегантно вальсировала метель, а в столичных гостиных только и говорили, что о возможной помолвке великого князя Бориса Владимировича и царевны Ольги. Это было самой обсуждаемой темой и на суаре у Степана Петровича.

– Что скажешь, Гриша, отдаст государь свою дочь за Бориса Владимировича? – полюбопытствовал хозяин у Елисеева, заранее предполагая, каков будет ответ.

Мужчины сбежали от дамской трескотни в кабинет Степана, выкурить по сигаре и посплетничать без купюр. Как известно, сильный пол имеет определенную слабость к обсуждению слухов и пережевыванию костей, прикрывая это интересами государственного масштаба.

– Кто же пожелает своей дочери в мужья хлыща и гуляку? Не о таком зяте, полагаю, мечтает император. Однако... – Григорий Григорьевич многозначительно замолчал.

– Изволь объясниться, что ты имеешь в виду, – Кобылин обожал рассуждения Григория, главное было его как следует раззадорить: – Однако свадьбе быть?

– Я думаю, государь поступит, как хороший отец и брака этого не допустит... Смущает лишь одно – верное ли это решение с точки зрения империи?

– Помилуй, Гриша, – снова вступил Степан: – Борис же третий в очереди на престол после Алексея и Михаила. Или четвертый? Кирилл, по моему разумению, не в счет, он женат на кузине, к тому же разведенной. Брак с Ольгой упрочил бы позиции Бориса, да только разве же это хорошо для России? Страшно подумать о таком недалеком и блудливом императоре!

– Позвольте, а Владимировичи вообще имеют право на престол? Разве их мать приняла православие? – вдруг осенило Александра Михайловича.

– Ты безнадежно отстал от жизни, Саша! – со смехом упрекнул друга Елисеев: – она сделала это давно, если мне не изменяет память, еще перед смертью супруга. Уверен, престолонаследие сыграло в этом немаловажную роль. А это значит, что Борис все равно третий или четвертый, независимо от того, женат он на Ольге или нет.

– Позволь, и какой же тогда смысл портить княжне жизнь, если он в любом случае остается при своем? – допытывался Кобылин.

– Дабы не расширять круг врагов императорской четы, – Гриша чувствовал, как над государем сгущаются тучи: – Давай посчитаем – Юсуповы, великий князь Николай Николаевич, теперь в этот список смело добавим великую княгиню Марию Павловну. Она явно оскорбится, если сына отвергнут. Ее самолюбие уже задето из-за истории с браком Кирилла, а теперь еще это унижение.

– Да уж, не хотел бы я испытать на себе гнев этой женщины. А всех трех семейств, Боже упаси! – Степан раньше не задумывался о такой постановке вопроса и, хотя все это казалось более сюжетом из романа Дюма, чем реальной ситуацией, ему стало не по себе.

– По-твоему, государю следовало бы принять предложение Бориса, в таком случае? – не унимался Кобылин.

– Не знаю, – поморщился Григорий: – Мне неприятна сама эта мысль, но... Возможно, от него можно каким-то образом откупиться... Уверен, государь примет верное решение. В любом случае они все его подданные и должны смириться.

Гриша свернул тему. Он осекся, подумав, что в виду сложившейся ситуации в собственной семье не может раздавать советы по поводу детей. Разве сам он преуспел в этом? Он вдруг поймал себя на мысли, что начинает уподобляться тем заносчивым соотечественникам, которые с высокомерием невежд рассуждали, как правильнее управлять страной, вести себя на мировой политической арене и командовать армией. Упиваясь красноречием, они критиковали царя, хотя факты говорили за себя. До войны Российская Империя развивалась семимильными шагами, что было заслугой Николая II и Столыпина, назначенного императором в правительство. Елисеев искренне верил, что государь постепенно сможет наладить дела и на фронте. Особенно если подданные прекратят сомневаться в любом его шаге и поймут, что свой деликатностью и мягким отношением он оказывает им огромное доверие. При всем этом Григорий в глубине души сомневался, что люди готовы к такому правлению. Воспоминания об убийстве Александра II были свежи, словно это случилось не десятки лет назад, а вчера. Свобода предполагает внутреннюю ответственность. К сожалению, даже государственная дума и члены императорской семьи не демонстрировали требуемого самосознания и, хоть и прикрывались высокопарными речами о благе отечества, радели прежде всего о своих частных интересах, толкая страну к гибели. К слову, Александр III, который держал в строгости прежде всего большую семью Романовых, мог привести многочисленных родственников в чувство и заставить действовать на благо Родины. За что и был уважаем. Однако Александр III почил, и многие его племянники совершенно распустились.

Великий князь Борис Владимирович словно ставил своей целью оправдать все данные ему нелестные эпитеты. Исполняющий должность походного атамана всех казачьих войск продолжал загулы и соблазнения юных красавиц. Война не была ему помехой. Он затих лишь ненадолго, пока решался вопрос с помолвкой на дочери императора. Как только его отвергли, кутежи возобновились. Будто компенсируя отказ, Николай II в апреле пожаловал ему пернач – эмблему атаманской власти. Благодарность Бориса не заставила себя долго ждать. Через пару месяцев, ужиная в присутствии английских военных, пьяный князь настолько резко и оскорбительно раскритиковал союзников, что британский посол выступил с официальным протестом. Государь был крайне недоволен. Борису пришлось приносить извинения.

IX

В мае на юго-западном фронте начался Брусиловский прорыв, который ознаменовал начало перелома в ходе войны. Несмотря на то, что не все задачи операции были выполнены, австрийская армия уже никогда больше не оправится от нанесенного удара. Русские войска смогли сдвинуть линию фронта на десятки километров и спасти итальянцев от разгрома. После постоянных поражений и позиционной войны на протяжении многих месяцев, это наступление могло снова вселить надежду на возможную победу. Однако в стране было слишком много заинтересованных не допустить положительных оценок операции. Это могло сказаться на изменении настроения и ослабить недовольство царским правительством. Безусловно, критика во многом была заслужена. Западный фронт так и не выполнил свои задачи. Кроме того, Брусилов, словно гончая, почуявшая след, шел к цели, принося в жертву множество солдат и офицеров, не прислушиваясь к рекомендациям из Ставки. В итоге, после жесткого приказа остановиться он сам же остался недоволен результатами широкомасштабной атаки. Зато союзники, положение которых в битве на Сомме заметно облегчилось, не скупились на похвалы. Разве можно представить, чтобы англичане или французы когда-нибудь настолько принижали свои собственные достижения и стыдились успехов?

Петра часто посылали во главе группы сопровождать фельдгегерей с важными донесениями. В тот день документы вез гонец средних лет по фамилии Аркадиев, лицо которого было все в рывтинах после оспы, а губы обветрены, словно он не пил несколько дней. Уже почти подъехав к месту назначения, группа попала под обстрел вражеского разъезда. Стреляли прицельно по фельдгегерю. Петя пытался прикрыть гонца собой, загородив со стороны огня. Они скакали ноздря в ноздю. Аркадиев крикнул молоденькому поручику, чтобы тот отъехал и не рисковал. Но Петр упорно продолжал держаться рядом. У него была задача обеспечить доставку донесения, и он собирался ее выполнить во что бы то ни стало. Они неслись на огромной скорости, и свист пуль не казался таким устрашающим, как будто пули не могли догнать лихого скакуна. Петя больше переживал, чтоб лошадь не подвела – не споткнулась, не понесла.

Они почти преодолели обстреливаемый участок, когда перед конем Елисеева взорвался снаряд. Лишь одна мысль успела пронестись в Петиней голове – это конец. Лошадь взвилась на дыбы и упала вместе с всадником.

Фельдгегерь, не останавливаясь, ускакал прочь в сопровождении двух солдат из группы.

X

Григорий Григорьевич шел по барачной больнице. Вдруг ему послышалось, что из одной из палат позвали: «Отец!». Он почувствовал приступ паники, расслышав в голосе какие-то родные нотки. Неужели Гуля? Или Петя? Младший сын хоть и был при штабе, но давно не появлялся. Объятый тревогой Гриша поспешил в палату. На каждой кровати лежал стонущий раненый. Елисеев пытался рассмотреть их лица. Но это было невозможно из-за кровавых ран или повязок через всю голову. Стоны сливались в общий гул. По Гришиной спине пробежал холодок. Где все сестры милосердия?

– Сестра! – позвал он: – Кто-нибудь!

Словно услышав его призыв, дверь в палату скрипнула, и в проеме появилась сестра, но не сестра милосердия, а покойная сестра Григория. По обычаю, Елизавета была в ажурном белом платье и фате. Но в этот раз на ней еще был передник и косынка сестры милосердия.

Гриша остолбенел от ужаса. Покойница приближалась, а он не мог двинуться. Елисеев хотел закричать, но не мог произнести ни звука. Ему уже слышался запах гниющей плоти. Сестра протянула к нему руку и почти коснулась.

– Гриша, – нежно позвала она.

Наконец, у Григория прорезался голос, и он закричал во всю мощь своих легких.

Елисеев вскрикнул и проснулся. Перед ним склонилась Вера Федоровна.

– Гриша, проснись! Ты кричал. Опять кошмар?

– Да... боюсь, что-то с Гулей или Петей...

– Это просто сон.

– Нет, не у меня.

* * *

Вечером за обедом Шура рассказывал популярный в то время анекдот.

– Царские придворные заметили, что наследник престола чуть не каждый день в слезах. Спрашивают его: «Что случилось, Ваше императорское Высочество? Почему вы так часто плачете?» – «Да как же иначе, – отвечает царевич. – Судите сами: когда русских на фронте бьют, папенька плачет, и я вместе с ним. Когда бьют немцев, матушка плачет, и я с нею».

В последнее время Саша летал от счастья. Он чувствовал, что его пролетарская валькирия тоже к нему равнодушна. Они проводили вместе все больше времени. Зоя стала доверять ему написание лозунгов и речей для выступлений на стачках и забастовках. А это было для нее важнее, чем физическая близость. Абы кого к слоганам, поднимающим пролетарские массы на борьбу, она бы не допустила.

Шура был настолько упоен своей влюбленностью и революционным пылом, что не заметил, что домашние анекдот не оценили. Он будто забыл, что Гулина супруга тоже была немкой. Вера лишь покачала головой. Она не любила скандалы, всегда обходила острые углы.

– А почему матушка плачет, когда немцев бьют? – удивилась маленькая Тася.

– По-твоему, это забавно? – в отличие от жены брата Мариэтта не отличалась тихим и покладистым нравом.

– А что? Что не так? – искренне недоумевал Шура: – Она же немка! Там воюют ее родственники! Разве нет?

– Довольно, Шура! Ты забываешься! Что бы сказал Гуля? – вступил Сережа.

– Ух, охальник! – Манефа забрала грязную тарелку у Саши, сурово нахмурившись. Гуля с Сережей были ее безусловными любимцами и всякий, кто осмеливался отнестись к ним без должного уважения, был ею немедленно предан личной анафеме.

– Вы совершенно не поняли смысла! При чем здесь Гуля? Там же царицу-шпионку высмеивают, – возмутился Шура: – Больше ничего вам рассказывать не стану! Вот уж не думал, что в родном доме встречу такой пиетет перед узурпаторами!

Шура встал из-за стола и ушел к себе в комнату. Он метался из угла в угол, пытался успокоиться, но не знал, как справиться с эмоциями. Ему было страшно обидно. Так обидно, что слезы наворачивались на глаза, и в горле стоял горький комок. Он ведь только хотел поднять всем настроение. А они? Саша решил, что нужно уходить из дома, где его не понимают и не поддерживают его классовую борьбу. Он собрал вещи и решительно направился к выходу.

– Шура, ты куда? – поинтересовалась Верочка Эйхе, которая только вышла в гостиную, уложив Никиту.

Ответом ей была громко хлопнувшая дверь в прихожей.

– Оставь его! Пусть проветрится! – Сергей тоже был зол на брата. Тот становился совершенно неуправляемым.

– Напрасно ты так, Сереж. Не нужно из-за меня... Он совсем еще ребенок. Я уверена, он действительно не понял... – вступилась Гулина жена.

В комнате заплакал Никита, которого разбудил резкий звук. Вера устало вздохнула и было пошла в комнату.

– От нечестивец! – возмутилась Манефа: – напужал дитя!

– Ты поешь, Вера. Я сам его укачаю, – Сереже нужно было готовиться к завтрашнему докладу, но он не мог со спокойным сердцем смотреть на уставшую жену. Кроме того, после ссоры ему не удалось бы сосредоточиться. Ничто не помогало так находить внутреннюю гармонию, как время, проведенное с сыном.

Шура, как побитый уличный щенок, появился на пороге Зои. Он был готов к тому, что строгая подруга его выставит за нарушение режима посещения. Но любимая поразила Сашу в очередной раз. Она приняла его спокойно, не удивляясь, словно ждала.

XI

Петя с трудом открыл глаза. Картинка расплывалась. Ему потребовалось некоторое время, чтобы сфокусироваться. Стоял резкий запах спирта и лекарств. Наконец, он понял, что находится в больничном бараке. На секунду встревожила мысль – у своих или в плену? Услышав чертыханья раненого на соседней койке, от сердца отлегло – свои. Петя быстро пощупал руками ноги. Все конечности были на месте. И живот тоже был цел. Просто счастье какое-то! Как же повезло!

Трещала голова и тошнило, как будто он кутил накануне без меры. К тому же Петя не мог вспомнить, что с ним случилось, и как он оказался в госпитале. Постепенно кусочками мозаики стали всплывать воспоминания – фельдъегерь с бледными обветренными губами, обстрел, взрыв снаряда.

Вдруг в коридоре он услышал знакомый голос.

– Гуля! – Петя резко вскочил и тут же сел на кровать. Сильно кружилась голова, и ноги не держали из-за жуткой слабости.

В палату быстрым шагом зашел брат.

– Очнулся! – Гуля просиял, обнял брата и сразу же уложил его в кровать: – Не вставай! Тебе нельзя!

– Сколько я был без сознания?

– Часа три, если верить твоим кавалеристам. Как голова?

– Сносно.

– Береги ее, Петр! Ушибы мозга опасны не только тем, у кого ума палата. Геройствуй осторожнее в следующий раз! – теперь Гуля шутил и светился от счастья, хотя еще полчаса назад он был мрачнее тучи. Петя довольно долго был в забытии. Это могло закончиться сопором или комой. К счастью, юный поручик пришел в себя.

– Долго мне валяться здесь?

– Две недели строго постельного режима.

– Ты смеешься? На мне ни одной царапины!

– Это не обсуждается! Если не хочешь серьезных последствий, даже не думай меня ослушаться!

Гуля проверил реакцию Петиных зрачков на свет и рефлекс Бобинского, проведя карандашом по стопе брата. Результатами врач остался доволен.

В палату зашла сестра милосердия. Последний луч золотого, закатного солнца играл в ее огненно-рыжих волосах. Увидев Татьяну, все офицеры в палате, которые были в сознании, взбодрились и приосанились. Палата наполнилась мужскими басами, которые наперебой пытались привлечь внимание девушки. Петя, которому в этот момент брат щекотал стопу карандашом, проверяя рефлекс, залился краской.

– Григорий Григорьевич, Вас ждут в операционной. Гангрена, – колокольчиком прозвучал голос медсестры, подчеркивая полное несоответствие звука и смысла сообщения.

Когда Гуля с девушкой вышли из палаты, Петя подумал, что можно и полежать две недели в этом госпитале, если уж брат так настаивает. Теперь эта идея не казалась ему такой уж тоскливой. Затем он отчего-то подумал, что такую красавицу непременно признали бы ведьмой и сожгли в средневековой Европе. К счастью, в России привлекательных девиц не истребляли.

Вечером навестить героя прибыл Аркадиев. Он не рассыпался в банальностях, не благодарил за то, что Петя буквально закрыл его своей грудью. Без слов было очевидно, что поступок молодого человека произвел на него впечатление. Хорошо, что он не пел дифирамбы поступку Елисеева, молодой офицер и так был смущен. Сам он считал, что так поступил бы каждый. Фельдгегерь предложил Пете найти время вместе развлечься, когда тот выздоровеет. Он был вхож в высшие круги и бывал даже на приемах у Кшесинской. Странно, но глядя на Аркадиева, Пете постоянно хотелось облизнуть свои губы, убедиться, что они не обветрены, как у нового друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.